

стр. все

17/6-87 2.

801-18
1776

В

К. Д. БЛЪМОНЪ

Д 34
258

1-74
Р 14468

и.
19

Б.
08

В. П. С. С.

Изд. „ШИПОВНИКЪ“ С. П. Б. 1909

4449

Ф12902-35

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО
НЕВСКИЙ ПР., Д. № 140-2.

2007077442

Онъ по садику гулялъ, въ свои гусли игралъ.
Я люблю! Я люблю!
Звонко въ гусли игралъ, царски пѣсни распѣвалъ.
Я люблю! Я люблю!

Журчанъ Бѣликъ Голубей.

КОРМЩИКЪ.

- Кто ты?—Кормщикъ корабля.
- Гдѣ корабль твой?—Вся Земля.
- Вѣрный руль твой?—Въ сердцѣ, здѣсь.
- Сине Море?—Разумъ весь.
- Весь? Добро и рядомъ Зло?
- Сильно каждое весло.
- Пристань?—Сонъ.—Маякъ?—Мечта.
- Достиженье?—Полнота.
- Полноводье, а затѣмъ?
- Ширь пустынь—услада всѣмъ.
- Сладость, сонъ, а на яву?
- Въ безоглядности—плыву.

ВТАЙ-РЪКА.

Изъ глубокаго колодца, изъ-подъ той крутой горы,
Гдѣ гнѣзда не строить птица, гдѣ не строить звѣрь
норы,

Протекала полноводно, и течетъ, поетъ вѣка,
Непослушная, живая, влага-пламя, Втай-Рѣка.

Тамъ на днѣ — лишь бѣлый сахаръ, алый бархатъ,
жемчуга,

Изъ глазастыхъ изумрудовъ расписные берега,
А порой, за крутизнами, поровнѣе бережки,
На отлогостяхъ сверкаютъ желто-ряные пески.

Отъ Востока до Заката Втай-Рѣки идетъ длина,
Отъ холодныхъ странъ до жаркихъ растянулась ши-
рина,

Глубину никто не знаетъ, измѣряли мудрецы,
Опускали въ воду тяжесть, потеряли всѣ концы.

А и что-жъ намъ вѣдать тайны — тѣхъ, кто хочетъ
тайну скрыть,

Втай-Рѣка не съ мудрецами, хочетъ съ сердцемъ го-
ворить,

Прикатилась и вселилась въ полнозвучныя сердца,
Изъ глубокаго колодца, безъ начала и конца.

ШАТЬ-РЪКА.

Ужъ и что я вамъ, братья, сегодня реку:
Не ходите вы, братья, на Шать-рѣку.

Глубока та Рѣка шатоватая,

Плутовата она, вороватая.

И шибаетъ она съ ума—разума,

Подойдешь къ ней, — судьба твоя сказана.

Подойдешь, изопьешь, зашатаешься,

По прибрежной глуши нагуляешься.

Опьянить она зыбью глубокою,

Завлечетъ шелестящей осокою.

Не ходите вы къ ней, не плѣняйтесь вы ей,

А ужъ если пошелъ, такъ себя не жалѣй.

Загляни, потони, значитъ такъ суждено,

Не видать съ береговъ, что скрываетъ тамъ дно.

ТЪНЬ-РЪКА.

Подъ густыми подъ кустами протекаетъ Тънь-Рѣка,
Ты побудь надъ ней ногами, въ часъ, какъ тають
   облака,
Загляни въ нее очами, — въ чемъ, спроси, твоя тоска.
Оттого ль, что вотъ, взглянувши, ты увидѣлъ свой
   двойникъ?
Оттого ль, что птица ночи, промелькнувъ, послала
   крикъ?
Оттого ли плачуть очи, что, дрожа, шуршитъ тро-
   стникъ?
Отодвинься, — отраженье отодвинулось въ водѣ,
Опрокинься, — и стремленье не къ водѣ ушло къ
   звѣздѣ,
Разувѣрся, — птица ночи есть вездѣ и все жъ нигдѣ.
Промелькнувъ надъ Тънь-Рѣкою черно-бархатнымъ
   крыломъ,
Въ гости къ Солнцу улетѣла птица тьмы ночнымъ
   путемъ,
Чтобъ позвать къ намъ птицу-пламя и смѣнить пе-
   чаль огнемъ.

И казавшійся зловѣщимъ расшуршавшійся тростникъ
Подъ опаловой росой, какъ подъ ласкою псникъ,
Передъ нимъ въ водѣ трепещеть ожемчуженный
   двойникъ.

За дневною Тънь-Рѣкою тьма ночная далека,
Все ночное будь хоть вдвое, а растаютъ облака,
И подъ Солнцемъ, какъ червонцемъ, золотится Тънь-
   Рѣка.

СЛАДИМЪ-РѢКА.

Течеть она, течеть она,
Рѣка Сладимъ течеть.
Какъ сладость сна, идетъ весна,
Утраченъ веснамъ счетъ.

Разъялся ледъ, нѣжна тоска,
Ключъ Бездны заигралъ.
Помчала всѣхъ Сладимъ-Рѣка,
Бѣлбѣтъ влажный валь.

Онъ клещеть всѣхъ, насть всѣхъ
онъ взялъ,
Мы всѣ въ огнѣ скользимъ.
Онъ мечеть, крутить, пьяный валь,
Течеть Рѣка Сладимъ.

СВИРЬЛЬНИКЪ.

Онъ Пророкъ и онъ Провидецъ, онъ Свирьльникъ и
Пѣвецъ,
Онъ испилъ священной крови изъ раскрывшихся
сердецъ.

Онъ отвѣдалъ меда мыслей, что какъ вишенье цвѣли,
Что какъ яблоня свѣтились и желаньемъ сердце жгли.

Въ бѣломъ свѣтѣ, въ аломъ цвѣтѣ, въ синемъ, въ
желто-золотомъ,
Былъ онъ въ радугахъ вселенскихъ освѣщенъ Огнемъ
и Льдомъ.

Заглянулъ онъ въ голубую опрокинутость зеркалъ,
Слышалъ шопоты столѣтій и нашель, чего искалъ.

Семиствольную цѣвницу онъ вознесъ, поеть свирьль,
Вѣковую онъ гробницу превращаетъ въ колыбель.

Торопитесь, насладитесь полноцѣвною волной,
Наридитесь, освятитесь Моремъ, Солнцемъ и Луной.

Въ стройномъ хорѣ дышетъ Море, въ кругѣ—блески
всѣхъ свѣтилъ,
Прикоснитесь въ разговорѣ къ собесѣдованью Силъ.

АНГЕЛЬ ВСТРѢЧЬ.

Во зеленомъ саду, въ сновидѣнной я мечтѣ,
Птица райская поетъ на превышенной высотѣ,
Птица райская велитъ быть въ любовной чистотѣ.

Говоритъ она про нашъ неоконанный законъ,
Говоритъ она, поетъ, что раскрылся Небосклонъ,
И какъ будто бы звонитъ, и узывчивъ этотъ звонъ.

На престолѣ, въ высотѣ, свѣтлый Ангелъ нашихъ
встрѣчь,
Въ золоту трубитъ трубу, золотой онъ держитъ
мечъ,
Возсіяніемъ своимъ онъ ведетъ съ очами рѣчь.

Посылаетъ онъ лучи на зеленые луга,
Онъ велитъ волнамъ морскимъ восходить на берега,
Онъ велитъ волнамъ морскимъ оставлять тамъ жемчуга.

Онъ сияетъ для очей ярче Утренней Звѣзды,
Онъ даетъ тепло лучей для продольной борозды,
Въ изумруды и въ рубинъ одѣвается онъ сады.

Птица райская поетъ, и трубитъ огонь-труба,
Говоритъ, что міръ широкъ и окончена борьба,
Что любиться и любить—то вершинная судьба.

АДАМЪ И ЕВА.

Адамъ, первично—красный,
Ликующая плоть.
Изъ глыбы темно-страстной
Слѣпилъ его Господь.

Узывчивая Ева,
Прозрачная душа.
На первый зовъ напѣва
Пришла къ нему, спѣша.

Пришла къ нему въ невинный,
Сіяющій Эдемъ.
Но этотъ садъ пустынный
Для разума былъ нѣмъ.

И Ева воздохнула,
И поглядѣлъ Адамъ.
И долгий ропотъ гула
Прошелъ по Небесамъ.

Совсѣмъ въ серединѣ Райа
Красивый кустъ расцвѣлъ.
Адамъ сказалъ, не зная,
Что это—женскій полъ.

И раковина Моря
Раскрылась на кустъ,
Съ зарею цвѣтомъ споря,
И споря въ красотѣ.

И въ страсти обоюдной
Адамъ склонился къ ней.
Обвилъ ихъ изумрудный
Алмазноокой Змѣй.

Такъ пламенно горѣнье
Струилъ на нихъ алмазь,
Что скрылъ онъ выраженье
Змѣиныхъ этихъ глазъ.

И дерево средь Рая,
Багряное, на снѣдь,
Ростеть—гѣла сжигая,
И жжетъ—чтобы горѣть.

Мѣнять ужъ невозможно,
Цвѣти, кто раньше цвѣлъ.
Адамъ сказалъ неложно,
Что это женскій полъ.

РАЙСКОЕ ДЕРЕВО.

Развѣсистое древо
Сіяетъ среди рая.
Глядитъ Адамъ и Ева,
Глядятъ они вздыхая.

Сказали имъ, что можно
Все трогать, лишь не это,
Погибель непреложна,
Здѣсь слишкомъ много свѣта.

Не трогайте же, дѣтки,
Красы тутъ не простыя,
Серебряныя вѣтки,
И листься золотыя.

Ростеть оно изъ бездны,
Уводитъ въ пропасть злую,
Въ темницы, что желѣзны,
Въ гробницу расписную.

Но самое въ немъ злое,
Что есть въ немъ запрещенье.
О, древо роковое,
Ты съешь возмущенье,

Подъ древомъ мягко ложе,
Усыпано цвѣтами,
Прости, великій Боже,
Такъ нѣжно съ васильками.

Съ багрянымъ цвѣтомъ розы
Сердца такъ вольно слиты,
Что всѣ Твои угрозы
Мгновенно позабыты.

И вѣтки—молодыя,
Въ нихъ серебро сквозное,
И листья—золотые,
Какъ Солнце золотое.

Погубить ли насъ это,
Цѣлуясь, мы не знаемъ,
Но лишь завѣтъ запрета
Мы называемъ Расмъ.

ТО ДРЕВО.

То древо, о которомъ
Теперь ужъ рѣчь бесплодна,
Свѣтло сияетъ взорамъ,
И ширится свободно.

Багряно, златовидно
Въ пылающей красѣ,
Любить его не стыдно,
Имъ въ мѣрѣ живы всѣ.

И будто бы когда-то
Оно запретно было.
Неправда, аромата
Въ немъ животворна сила.

Оно до края Неба,
Оно доходитъ въ Адъ.
Въ дуплѣ есть много хлѣба,
На вѣткахъ сонмъ усладъ.

Края всегда повиты
Душистыми цвѣтами,
Въ нихъ словно сказки скрыты
Съ цвѣтистыми стрѣками.

Въ корняхъ и медъ и млеко,
Двѣнадцать свѣжихъ рѣкъ.
И всѣ для человѣка,
Богатый человѣкъ.

Причудливые звѣри
Въ стволахъ выходятъ, входятъ,
И дѣти въ свѣтлой вѣрѣ
Здѣсь хороводы водятъ.

И птицы столь всезвучно
Поютъ среди вѣтвей,
Что слушать ихъ не скучно
Сто лѣтъ и вдвое дней.

ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХЪ.

Я сижу и я гляжу
На великую между.
Справа—поле, слѣва—лѣсъ,
Много тутъ и тамъ чудесъ.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной.
Не одинъ стоитъ, ихъ два.
И растетъ, поетъ трава.

Тотъ, направо, свѣтлый онъ,
Словно день воспламененъ.
А другой еще свѣтлѣй,
Какъ пожаръ среди ночей.

И одинъ—хорошъ какъ тишь,
Какъ загрязившій камышь.
У другого же глаза—
Грозовая бирюза.

И одинъ—свѣтло поетъ,
Какъ напѣвность тихихъ водъ.
А другой—молчитъ, молчитъ,
И какъ къ битвѣ закричитъ.

И одинъ крыломъ взмахнетъ,
Шестикратностью блеснетъ,
И мгновенно для очей—
Годовыхъ три сотни дней.

И другой крыломъ взмахнетъ,
Шестимолнійно сверкнетъ,
И внезапно для очей—
Триста огненныхъ ночей.

Справа поле, слѣва лѣсъ,
Живо поле, лѣсъ воскресъ.
Свѣтелъ день, и ночь свѣтла,
Богу вѣчному хвала.

БРАТЬ И СЕСТРА.

— Кто ты, милый бѣлый братъ?
Какъ свѣча твой свѣтлый взглядъ.
— Кто ты, блѣдная сестра?
Говорить давно пора.
— Первый ты откройся мнѣ,
Очень страшно при Лунѣ.
— Ты мнѣ первая скажи,
Кто ты, что ты, Расскажи.
— Я сестра твоя, сестра,
Вмѣстѣ вышли со двора,
Какъ оставили нашъ домъ,
Что Небесностью зовемъ.
— Я твой братъ, твой бѣлый братъ,
Ангель, что ли, говорятъ,
Все хочу я побороть
На Землѣ земную плотъ.
— Я сестра твоя, сестра,
Я душа, я звѣздъ игра,
Если плотъ мы освятимъ,
Безъ обиды побѣдимъ.

БРАТЬ СЪ СЕСТРОЙ.

— Братъ, надъ лугомъ ты трубишь
Въ свою золотую трубу.
Если меня ты любишь,
Скажи мнѣ мою судьбу.
— Быть тебѣ вѣчно со мною,
И всегда быть бѣлой, сестра.
Тебѣ уготовать Луною
Путь серебра.
Если въ часахъ—ты минуты
Захочешь, минуты одной,
На горы пойдешь ты круты,
Въ замокъ, гдѣ сонъ ледяной.
Если въ минутѣ—минутнѣй,
Воздушнѣй захочешь быть,
Я буду съ весною и съ лютней,
И тебя научу любить.
Если ты птицъ захочешь,
Голубей тебѣ дамъ, лебедей.
Если наряжъ свой омочишь,
Это брызги небесныхъ дождей.
Если цвѣтовъ захочешь,
Я тебѣ ландышъ найду.
— Братъ, ты нѣжно пророчишь,
А если я къ Солнцу пойду?

— Если ты не боишься жгучихъ
Праздниковъ вешней игры,
Или, на превыспреннихъ кручахъ
Я тебѣ приготовилъ шатры.
— Я бѣлая, такъ, я бѣлѣе,
Чѣмъ лилія тихихъ водъ.
Но ты золотишься и, рдѣя,
Поешь, твой голосъ зоветъ.
— Я зову на высокія выси,
Я зову до исподнихъ глубинъ.
Я огонь въ вѣковомъ кипарисѣ,
Я въ пещерахъ полночныхъ рубинъ.
— Зачѣмъ же тебѣ золотое,
Скажи, а бѣлое—мнѣ?
— Чтобъ быть намъ счастливѣе вдвоє,
Чтобы Солнце сіяло—Лунѣ.

БОЖЬЯ КНИГА.

Божью книгу я читалъ,
Божья книга—здѣсь, въ саду.
Выпилъ полный я бокаль.
Къ каждой буквѣ приникалъ.
Пьяность въ разумѣ. Я жду.

Божья книга хороша
Тѣмъ, что каждая душа
Видитъ въ ней себя одну,
Видитъ также цѣлый міръ,
Видитъ собственный свой пиръ,
И вселенскую весну.

Божья книга хороша
Тѣмъ, что каждая душа
Можетъ всю ее прочесть,
Черезъ мигъ придетъ, спѣша,
Глядь, еще въ ней строки есть,
И цвѣтутъ они, растутъ,
Здѣсь и тамъ, и тамъ, и тутъ.

Божья книга, вотъ опять
Я пришелъ тебя читать.

ГОЛУБИЦА.

Во саду, саду зеленомъ,
Подъ широкимъ небосклономъ,
Отъ Земли и до Небесъ,
Возносилось чудо-древо,
Съ блескомъ яблоковъ-чудесъ.

Прилетѣвъ на это древо,
Съ воркованіемъ напѣва,
Въ изумрудностяхъ вѣтвей,
Молодая Голубица
Выводила тамъ дѣтей.

Молодица, Голубица,
Эта ласковая птица
Ворковала къ молодымъ,
Говорила имъ загадки
Тамъ подъ Древомъ вѣковымъ.

Говорила имъ загадки:
„Ужъ вы дѣтки-голубятки,
Клюйте вы пшеничку здѣсь,
А въ пыли вы не пылитесь,
Міръ далекій пыленъ весь“.

„А въ пыли вы не пылитесь,
А въ росѣ вы не роситесь“.
Ворковала имъ она.
Только дѣтки не стерпѣли,
Заманила ширина.

Голубятки не стерпѣли,
Въ мѣръ широкій полетѣли,
Запылилися въ пыли,
Заросилися рососою,
Удержаться не могли.

Заросилися рососою,
Застыдилися виною,
Голубица же нѣжна.
Тамъ подь яблонью живою
Оправдала ихъ она.

КАКЪ СОНЪ.

Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
Оставляя свой цвѣтикъ аль,
Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
Я какъ лучъ тебя ласкалъ,
И въ живомъ играни силъ
Изъ потопа выводилъ.

Изъ потопа, изъ волны,
Изъ прибрежныхъ вязкихъ травъ,
Изъ мятущейся волны,
Изъ осоки и купавъ,
Изъ великой глубины
Къ свѣту Солнца и Луны.

Становилъ тебя, сестра,
Во зеленымъ саду,
Говорилъ тебѣ, сестра,
Что вездѣ съ тобой пойду.
Говорилъ тебѣ: „Пора!
Есть священная игра“.

И Луною золотой
Осіянь въ живомъ саду,
Подъ Луною золотой
Я съ душою рѣчь веду.
Я съ своею молодой,
Мы подь яблонью святой.

И зеленый садъ шумѣлъ,
Какъ тебя я цѣловалъ,
И зеленый садъ шумѣлъ,
И раскрылся цвѣтикъ аль,
И кружился голубъ бѣлъ,
Въ часъ какъ Миръ намъ пѣснопѣлъ.

ПТИЦА РАЙСКАЯ.

Мы ходили, мы гуляли въ изумрудномъ во саду,
Во саду твоємъ зеленомъ мы томилися въ бреду.

Мы глядѣли, какъ зардѣвшись, расцвѣтаетъ нѣжный
садъ,
Мы хотѣли, чтобъ скорѣе былъ намъ спѣлый вино-
градъ.

Мы молили, искушали, вопрошали мы Судьбу,
Мы съ дрожаніемъ трубили въ живогласную трубу.

Мы звонили и звенѣли въ Небесахъ колокола,
И была надъ нами въ вѣткахъ Птица райская свѣтла.

И потомъ мы утѣшались за дубовымъ за столомъ,
Пили, ѣли, прохладжались, не заботясь ни о чемъ.

И потомъ мы пожелали, чтобы умъ совсѣмъ исчезъ,
Мы манили и сманили Птицу райскую съ Небесъ.

И потомъ мы перестали говорить: «А что потомъ?»
Гусли звонко въ насъ рыдали, поцѣлуйный былъ нашъ
домъ.

ГОЛУБЬ.

Голубь къ терему припаль,
Кто тамъ, что тамъ, подсмотрѣлъ.
Голубь тѣломъ нѣжно-бѣлъ,
На оконцѣ жь цвѣтикъ аль.
Бѣлый голубь ворковаль,
Онъ цвѣточкомъ завладѣлъ,
Онъ его зачароваль,
Насладился, улетѣлъ.
Ахъ ты бѣлый голубокъ,
Позабылъ ты аль цвѣтокъ.
Ахъ ты бѣлый голубокъ,
Воротись хоть на часокъ.

УЛЕТИ.

Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
Отъ косыхъ холодныхъ взоровъ,
Отъ напрасныхъ разговоровъ, —
Улети.

Птицей вольной, птицей бѣлой,
Изъ темницы застарѣлой,
Унесись на подвигъ смѣлый, —
Есть пути.

Въ мигъ одинъ свершится диво,
И свободно и красиво
Засяетъ дугъ и нива, —
Захоти.

Плѣннымъ — крючья, плѣннымъ — пилья,
Но мечтой умножь усиля,
Вотъ растутъ, бѣлбють крылья, —
Что жь, лети.

Камень тяжкій отвалился,
Душный сводъ тюрьмы раскрылся,
Прахомъ твой порогъ затмился, —
Отмети.

Будь же съ нами, съ голубями,
Въ голубомъ воздушномъ храмѣ,
Мы помчимся облаками,—
Улети.

ВОРКУНОКЪ.

Ужь очень, голубокъ,
Ты хитрый воркунокъ!
Затянешь, зажурчишь,
Разрушишь въ сердцѣ тишь,
Разломишь въ немъ ледокъ,
И манишь, и пьянишь,
О чемъ-то говоришь,
О чемъ и невдомекъ,
Заставишь воздыхать,
И стыднаго желать,
Заносетъ сердце,—глядь,
Вспорхнешь и улетишь.

СВАДЬБА ДУШЪ.

Кто сказалъ, что будто Небо далеко отъ насъ?
Солнце—въ мысляхъ, Мѣсяцъ сердцу свѣтитъ каждый
часть.

Чуть помыслимъ,—это утро, это свѣтъ дневной,
Чуть полюбимъ,—это дымка съ ясною Луной.

И Луна, побывъ, какъ Мѣсяцъ, въ нѣжномъ серебрѣ,
Станетъ Солнцемъ, чтобъ тонули помыслы въ зарѣ.

И небесный серпъ, собравши жатву всѣхъ сердецъ,
Золотитъ колосья мыслей, ихъ сплетя въ вѣнецъ.

Серебро въ пресуществленнѣ золотомъ горитъ,
Въ мысляхъ жемчугъ, въ мысляхъ звѣздность, камень-
маргаритъ.

Переливные опалы въ озерной водѣ,
Свадьба Мѣсяца и Солнца, зовъ звѣзды къ звѣздѣ.

Не поймешь, когда полюбишь, двойственныхъ рѣчей,
Только будь какъ пламень Солнца, лучъ среди лучей.

Не найдешь раздѣльности Неба и Земли родной,
Если разумъ обвѣнчаешь съ царственной Луной.

ПРИХОДИ.

Вкругъ сада—изъ рыбныхъ костей я построилъ за-
боръ.

На нихъ положилъ изумрудно-серебристый коверъ,
Который я сплелъ изъ змѣиныхъ и рыбныхъ чешуй.
Приходи, и яви мнѣ свой взоръ.
Приходи, поцѣлуй.

Снѣжащійся свѣтъ днемъ исходить отъ рыбныхъ
костей,

А въ ночь загорается въ нихъ словно нѣжный свѣт-
лякъ.

Сказать, почему? Вѣдь они же изъ бездны морей,
А Солнце въ моряхъ засыпаетъ на время ночей,
И въ нихъ спитъ Луна, передъ тѣмъ какъ пробудит-
ся мракъ.

Въ коврѣ серебро, и въ коврѣ золотой изумрудъ,
Сіяній такихъ ни слова, ни вѣка не сотрутъ,
И зыбь—безъ конца въ тишинѣ многолиственныхъ
струй.

Приходи, о, скорѣй, я ужь тутъ,
Приходи, поцѣлуй.

ОТЧЕГО?

- Отчего душа болитъ, а уму не говорить?
Я люблю. Я люблю.
- Отчего огонь въ крови, хоть зови, хоть не зови?
Я люблю. Я люблю.
- Отчего на Небесахъ звѣды ясныя въ вѣнцахъ?
Я люблю. Я люблю.
- Отчего изъ темноты дышутъ пьяные цвѣты?
Я люблю. Я люблю.
- Отчего въ журчаньи струй такъ и бьется поцѣлуй?
Я люблю. Я люблю.
- Отчего къ цвѣтку цвѣтокъ посылаетъ лепестокъ?
Я люблю. Я люблю.
- Отчего въ твоихъ глазахъ и желаніе и страхъ?
Я люблю. Я люблю.
- Отчего жъ ты, отчего не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

ДЛЯ СЕСТРЫ.

Для сестры моей, любви, есть лазоревы цвѣты,
Есть лазоревы цвѣточки самой свѣжей красоты.

Самой свѣжей, самой нѣжной, изъ-подъ первой той
росы,
Для сестры моей, любви, и другія есть красоты.

На холмѣ, холмѣ зеленомъ есть высокій теремокъ,
Подъ оконцемъ воркованье, стонетъ бѣлый голубокъ.

Голубъ нѣжный, бѣлоснѣжный, онъ проворный, кру-
говой,
Чуть крылами затрепещетъ—онъ со стаею живой.

Проворкуетъ, нась, молъ, много, это правда, а не
ложь,
За однимъ другой и третій, хоть считай, да не со-
чтешь.

Замелькаютъ, затрепещутъ, крылья блещутъ и горятъ,
Для сестры моей, любви, въ Небѣ выпросятъ наряда.

Въ самомъ Небѣ, въ синемъ Небѣ, у высокихъ обла-
ковъ,
Ужъ помолятъ, ужъ попросятъ бирюзы и жемчуговъ.

Ужь помолять, ужь попросять изумрудовъ, жем-
чуговъ,
И атласа отливного, и тончайшихъ шелковъ.

Небеса ли имъ откажутъ, въ Небѣ много тамъ всего,
Для сестры моей, любви, и для счастья моего.

ПО БЛАГОДАТИ.

Мы не по закону,
Мы по благодати.
Озаривъ икону,
Ляжемъ на кровати.

Мы не знаемъ брака
Выше, чѣмъ желанье.
Мы въ глубинахъ мрака
Яркое сиянье.

Внѣ сцѣпленій слова
Льются наши рѣчи.
Можеть, будемъ снова
Въ столь же вольной встрѣчѣ.

Можеть, неповторенъ
Праздникъ нашей страсти.
Пусть. Чертогъ узоренъ
Двухъ свободныхъ счастья.

ШУТКА ЦВѢТОВЪ.

Я вошла въ зеленый садъ,
Повидалася съ цвѣтами,
Разноцвѣтные горять,
Цвѣтомъ съ сердцемъ говорятъ:
„Ты люби зеленый садъ,
Ты побудь подольше съ нами“.

Я не слушалась цвѣтовъ,
А они, въ пахучей силѣ,
А они,—ихъ нравъ таковъ,—
Трепетаньемъ огоньковъ,
Возсіянемъ лепестковъ,
Надо мною почудили.

Въ теремъ свой отъ нихъ ушла,
И съ фіалкой голубою
Я заснула, я спала,
Я во снѣ была свѣтла,
Я чего-то все ждала,
И проснулась—съ тобою.

ОДЕЖДЫ РАЗНЫ.

На тѣлѣ нашемъ, на нашемъ тѣлѣ
Одежды разны—одна черна,
Потомъ сѣрые, потомъ зардѣли—
Краснѣй, блѣднѣе, какъ снѣгъ блѣдна.

Не будемъ медлить въ одеждѣ черной,
И сбросимъ сѣрый слѣпой покровъ,
И съ красной лентой, съ одной узорной,
Мы явимъ свѣжесть и свѣтъ снѣговъ.

И будемъ въ вихряхъ, и будемъ въ свѣтахъ,
И будетъ ночью свѣтлѣй, чѣмъ днемъ,
Въ тѣлахъ воспѣтыхъ и въ снѣгъ одѣтыхъ
Живое счастье горитъ огнемъ.

БОЖІЙ ХРАМЪ.

Наше тѣло—Божій храмъ,
Въ храмѣ дай горѣть свѣчамъ.
Любишь Бога, такъ смотри,
Храмъ достойно убери.

Чтобы ладанъ нѣжный въ немъ
Былъ съ молитвеннымъ огнемъ,
Чтобы тихій звонъ кадилъ
Прямо въ сердце заходилъ.

Чтобы къ храму льнулъ другой,
Тоже Божій—и такой,
Какъ бывасть вешній садъ,
Въ часть какъ всѣ цвѣты горять.

ЧЕРНОМУ ВРАНУ.

Если спросить Черный Вранъ:—
«Ты откуда, Бѣлый Духъ?
Отчего въ тебѣ все бѣло?»—
Ты предъ нимъ промысли вслухъ:—
«Ужь такой законъ мнѣ данъ,
Черный Вранъ, Черный Вранъ,
Бѣлый я тѣлесный духъ,
И духовное я тѣло,
Такъ Радѣнье захотѣло,
Ибо мы—изъ Бѣлыхъ странъ.
Ты же, Вранъ,
Черный Вранъ,
Каркай! Прочь!
Въ мракъ и въ ночь!
Прочь отъ сихъ Восточныхъ сгранъ!»

ЗАВѢТЬ.

Если хочешь рай блюсти,
Чисто комнату мети,
Чтобы полъ и потолокъ
Быль пресвѣтлѣй теремокъ.

Чтобы не было темно,
Полоби свое окно,
Чтобъ была игра стекла
Незапятнанно-свѣтла.

Если хочешь нѣжить рай,
За цвѣтами надзираи,
Чтобы твой цвѣтущій садъ
Быль какъ огненный закатъ.

ВЪ БОГѢ.

Какъ быть въ Богѣ?—Свѣтъ найти,
Не въ дорогѣ, а въ пути.
А дорога-путь одна:—
Пить любовь, и пить до дна.

Выйди къ травамъ, посмотри!—
Отъ зари и до зари
Пчелы вьются межъ цвѣтовъ,
Къ ночи свѣтлый медъ готовъ.

Выйди ночью, и взгляни:—
Птичій Путь. Горятъ огни.
Бѣлый свѣтъ. Люби, цвѣти.
Будь звѣздою во плоти.

ВЪНЧАНІЕ.

Изъ древняго Молчанія
Доходятъ голоса,
Зовутъ насъ на вѣнчаніе,
Идемъ, моя краса.
Для свѣтлаго веселія
Рождаемся мы въ міръ.
Таинственныя зеля
Вмѣшались въ этотъ пирь.
Колдующія зеля
Сумѣемъ побѣдить.
Въ глухія подземелія
Ведетъ цвѣтная нить.
Слѣпыми переходами,
Тропинкой винтовой,
Умолкнувшими водами,
Къ обители живой.
Къ тому ли средоточію,
Что въ самой глубинѣ,
Гдѣ узримъ мы воочию
Крещеніе въ Огнѣ.
За этимъ—посвященіе,
Причастіе глубинъ,

Сожженъ—очищенія,
Одна ты, я одинъ.
Мы въ таинствѣ вѣнчанія,
Мы стали два въ одномъ.
Насъ древнее Молчаніе
Окутало кругомъ.

ЗВѢЗДНОЕ ПРИЧАСТІЕ.

Если, послѣ поцѣлуя,
Темной ночью выхожу я,
На тесовое крыльцо,
Освѣжить свое лицо,
Звѣзды искрятся, ликуя,
По небесной вышинѣ,
Словно въ жаждѣ поцѣлуя
Расцвѣщаются онѣ.

И въ молитвенной истомѣ,
Въ пробужденности и въ дремѣ,
Въ сердцѣ чувствуя зарю,
Слитно съ Небомъ я горю,
Словно въ свѣтломъ водоемѣ
Брызги—здѣсь, и брызги—тамъ,
Мы въ молитвенной истомѣ
Сопричислены къ звѣздамъ.

ЗОЛОТЫЯ ЗЕРНА.

Смотрите, братья-голуби, смотрите, сестры-горлицы,
Какъ много вамъ различнаго пшеничнаго зерна.
Намъ зерна эти свѣтлыя, о, духи свѣтловзорные,
Вечерняя, разсвѣтная послала вышина.

Отъ той звѣзды, что первая въ вечерней свѣтитъ
горницѣ,
Отъ той звѣзды, что первая сіяетъ поутру,
Ниспосланъ этотъ колосъ намъ, и зерна въ немъ
повторныя,

Берите это золото, я самъ его беру.

Вы, облачные голуби, покорливыя горлицы,
Снѣжите взоры крыльями, бѣлѣйтесь въ золотомъ.
Вамъ зерна золотистыя, вамъ облаки узорныя,
Вамъ солнечный, вамъ мѣсячный, небесный Божій
Домъ.

СВѢЧА.

Если ты зажгешь свѣчу,
Ты не прячь ее подь столъ.
Если ты сказалъ—хочу,
Ты люби хотящій полъ.

Если ты пасешь овецъ,
Ты сплети себѣ руно.
Ты почувствуй наконецъ,
Для чего намъ все дано.

И красивый—женскій полъ,
И могучій—полъ мужской.
Если правду ты нашель,
Не ищи себѣ другой.

СВѢТЪ ЧУДЕСНЫЙ.

Свѣтъ чудесный, свѣтъ прелестный свѣтитъ намъ съ
Небесь,
Онъ въ другомъ краю засвѣтитъ, разъ въ одномъ
исчезъ.

Онъ въ однихъ очахъ кончаетъ, а въ очахъ другихъ
Чуть замѣтно начинается, какъ запѣтый стихъ.

И одни темнѣютъ очи, чтобъ въ ночи уснуть,
Чтобъ другимъ, въ угрозу Ночи, вмѣсто нихъ блес-
нуть.

А заснувшія сияютъ—гдѣ шатерь Небесь,
Чтобъ не думали, что будто ночью свѣтъ исчезъ.

ЧУДО.

Со мной случилось чудо,
Я—здѣсь, и я— не здѣсь.
Я вдругъ ушелъ отсюда,
И міръ увидѣлъ весь.

Ужъ какъ-то такъ случилось,
Что я вошелъ въ себя.
Безшумно дверь раскрылась,
Я сплю, весь міръ любя.

Какъ въ раковинѣ Моря
Напѣвъ и жемчугъ скрытъ,
Молчу, ни съ чѣмъ не споря.
А Море мнѣ шумить.

И будто бы не сплю я,
И будто бы я сплю.
Я въ счастья поцѣлуя
Стозвонный міръ люблю.

Какъ въ раковинѣ Моря
Напѣвъ и жемчугъ скрытъ,
Молчу, ни съ чѣмъ не споря,
А Море мнѣ шумить.

БЕЗЪ КОНЦА.

— Что ты дѣлалъ, гдѣ ты былъ
За туманами могиль?
— Нѣтъ могиль. Могила—дверь.
Былъ я птица, былъ я звѣрь.
— Былъ ты птицею какой?
Добрый былъ ты или злой?
— Былъ я волкъ, и заяцъ обѣлъ,
Въ Небѣ жаворонкомъ пѣлъ.
— А потомъ? А что потомъ?
Гдѣ ты шелъ? Какимъ путемъ?
— Въ разномъ былъ, всего вкусилъ.
Черезъ двери проходилъ.
— А потомъ? А что потомъ?
Мы съ тобой куда идемъ?
— Безъ конца по Бытію.
Видишь: пѣсни я пою.

СТИХЪ КОРАБЕЛЬНЫИ.

Мы въ двухъ горницахъ сосѣднихъ, и въ единомъ
терему,
На таинственныхъ обѣдняхъ, посвящаемыхъ Уму.

Умъ—алмазный устроитель возносящихся дворцовъ,
Нашъ божественный хранитель, дарователь всѣхъ
вѣнцовъ.

Мы въ двухъ горницахъ раздѣльныхъ, мы за тонкою
стѣной,
Въ часъ радѣній корабельныхъ будемъ въ горницѣ
одной.

Помолчалъ я, постучалъ я, и распалася стѣна,
Красоту души встрѣчалъ я, красота души одна.

Хоть и много есть у Бога расцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Но одна ведетъ дорога къ предъизбранницѣ вѣковъ.

Походили мы по дальнымъ, по лазоревымъ звѣздамъ,
Ужъ скитаніямъ печальнымъ больше сердце не отдамъ.

Хоть лазоревы и чудны звѣзды выси голубой,
Хоть златисты, изумрудны, тяжело быть мнѣ врозь
съ тобой.

Ты пришла съ Звѣзды Лазурной, я пришелъ съ
Звѣзды Рубинъ,
Оба были въ сказкѣ бурной, двумъ Земля—пріютъ
одинъ.

И теперь въ великомъ чудѣ мы въ радѣннѣ Корабля,
Свѣтятъ очи, дышутъ груди, въ Небѣ царствуетъ
Земля.

ПОСЛАНИЕ КЪ ГОЛУБИЦЪ.

Ужь ты птица голубица,
Нѣжна горлица моя!
Ты предивная страница
Въ благовѣстїи бытія!
Ты пресвѣтлая картина
Между всѣхъ живыхъ картинъ!
Ты слянье воедино
Всѣхъ созвѣздій и вершинъ!
Ты открывшая мнѣ дверцу
Въ нашъ волшебный теремокъ!
Ты явившаяся сердцу
Какъ божественный намекъ!
Ты явившаяся взору
Какъ живой родникъ въ пути!
Ты возведшая на гору,
Намъ съ которой не сойти!
Ты проведшая чрезъ рѣки,
На высокое крыльцо!
Подарившая навѣки
Звѣздотканное кольцо!
Къ голубицѣ—голубочекъ,
Благовонная камедь!
Исписался весь листочекъ,
Не сумѣлъ тебя воспѣть!

ГОРЛИЦЫ-ГОЛУБИ.

Горлицы бѣлыя, воркуйте поутру,
Горлицы бѣлыя, воркуйте ввечеру,
Голуби бѣлые, спѣшите имъ помочь,
Голуби бѣлые, воркуйте цѣлу ночь.

Пить вамъ захочется, всѣмъ будетъ вамъ питье,
Ѣсть вамъ захочется, вотъ яствице мое,
Свѣтло-духовное пшеничное зерно,
Бѣлому бѣлое для радости дано.

КАЖДЫЙ.

Каждый, ежели дойдетъ
До сіяющихъ высотъ,
Намъ приносить въ бытіе
Благовѣстіе свое.

Каждый вступить въ звѣздный счетъ,
Въ комъ молитвенность течетъ,
По духовной онъ Рѣкѣ
Устремится въ челнокъ.

Каждый цвѣтъ весной цвѣтетъ,
Въ каждой сотѣ свѣтлый медъ,
Такъ не старостямъ Зимы
Почутаться будемъ мы.

СЛОВО БОЖІЕ.

Слово Божіе—въ пчелѣ,
Въ таломъ снѣгѣ, и въ землѣ,
Указующей—цвѣткомъ,
Для чего сквозь тьму идемъ.

Слово Божіе—въ волнѣ,
Въ прибывающей Лунѣ,
Въ воркованьи голубей,
И въ очахъ любви моей.

АНГЕЛЫ НЕБЕСНЫЕ.

Ангелы Небесные
Писанье ли читаютъ?
Ангелы Небесные
Не въ Небѣ ли летаютъ?

Птицы поднебесныя
Не звонко ли поютъ?
Помыслы чудесныя
Не въ цвѣтикахъ ли ждуть?

ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Следует
10	5	снизу	ушло,
14	1	сверху	зеленымъ
15	4	снизу	въ серединѣ
37	2	сверху	серебристый
68	2	—	зо
83	10	снизу	жь
—	6	—	сѣ
86	8	—	ѣмъ
88	6	—	ѣтви
93	6	сверху	а ночь
99	8	—	горѣни
103	4	—	закинуши
113	8	—	по
126	1—4	снизу	надо выкинуть совсѣмъ
131	9	снизу	жду,
148	3	сверху	воплѣ
154	11	сверху	о
—	16	—	ь
162	4	сверху	желѣной.
170	8	снизу	желѣной,
174	2	—	страница
178	3	—	же
179	2	—	вселенскимъ
184	1	сверху	сіній
190	4	снизу	онѣ
192	6	—	умащеня
200	3	сверху	въ другѣ
201	5	снизу	просушестваля
204	6	—	смотри.
209	6	—	ы
212	12	сверху	грѣхъ,
215	11	—	струны
217	3	сверху	пропушена:
Китарисная	древа	онѣ	насадилъ въ своемъ саду
221	13	снизу	любовъ.
226	9	—	вѣнцахъ,
232	6	—	чебѣ
235	1	сверху	видѣне
244	3	—	рукопашномъ,
245	2	снизу	къ солнцу

КЛЮЧИ.

Солнце встало, съ нимъ—лучи,
Держить Богъ въ рукахъ ключи,
Богъ ключи роняетъ внизъ,
Только Солнцу помолись.

Не по книгамъ доходить,
Чтобъ цвѣтную выткать нить,
Ты на радугу смотри,
На жемчужности зари.

Ты смотри въ глаза того,
Сердце чувствуетъ кого,
Ты смотри и ты колдуй,
И цѣлуешь, такъ цѣлуй.

КУДА ЖЕ?

— Куда же ты сердце свое простираешь?
— Я его простираю къ Раю.
— Но развѣ объ Адѣ ничего ты не знаешь?
— Нѣтъ, не знаю.
— Есть Адъ прешрашный, есть Адъ прегрознаый,
Жгучий, морозный.
Тамъ цѣпки крючья, и тѣ, что здѣсь лѣпы,
Попадаютъ въ вертепы.
А въ этихъ вертепахъ у бѣсовъ свирѣпыхъ
Есть когти преостры.
Смиритея же, братья, побойтея проклятя,
Побойтея вы, сестры.
И ты ушрашися, безумный свирѣльникъ,
Я пропасть твою не измѣрю,
Ты знаешь, вѣдь будешь въ огнѣ ты, бездѣльникъ.
— Не вѣрю.
Зачѣмъ быть въ Аду мнѣ, когда я пылаю
Прешвѣтлой свѣчою?
Я сердце и здѣсь на огнѣ оживляю,
И радуюсь зною.
И свѣтомъ рожденное жгучее Слово
Ведетъ насъ въ восторгъ торжества золотого,
Къ негнѣнному Раю.
Я знаю.

ЧУЖИМЪ.

Насъ чужіе спрсятъ: „Кто же вы такіе?
Что у васъ на сердцѣ? Что во власти есть?“
Мы, пожалуй, скажемъ, гости дорогіе,
Только вы сумѣйте раньше звѣзды счесть.

Есть у насъ чертоги, гдѣ, хоть насъ и много,
Свѣтимъ мы жемчужно въ дружной красотѣ.
Есть у васъ дороги, есть у насъ дорога,
Лишь одна дорога, лишь къ одной чертѣ.

Но подробно молвить вамъ мы не сумѣемъ,
Что порою восемь меньше, чѣмъ одно.
Тотъ, кто побылъ въ кругѣ, что вскипаетъ Змѣемъ,
Сразу—ожерелье, и одно звено.

Есть у насъ деревья съ вѣчными плодами,
Кони боевые, трубы, и кресты.
Но кресты подвижны, въ свѣтлой пляскѣ съ нами,
Кони ржутъ пѣвуче, въ трубахъ звукъ мечты.

Золотыя ризы, бѣлыя видѣнья,
Розовыя сказки, знаніе впередъ.
И забвеніе знанья, утро наслажденья,
Первый день—и много... Потерялся счетъ.

ПРОСТЫЕ.

Мы пожалуй и простые,
Если истина проста,
Если волны золотыя
Есть простая красота.

Мы пожалуй неучены,
Да на что-жь ученость намъ,
Если сердце слышитъ звоны,
Что проходить по цвѣтамъ.

АКСАМИТЪ.

Кто не цѣнить аксамитъ,
Тотъ безумно говорить.
Кто на тѣло возстаеъ,
Въ темной кузницѣ куеъ.

Тьму куеъ онъ безъ огня,
Лишь стуча, а не звеня.
Паутину, и арканъ,
Удушающій туманъ.

Разъ не любишь Красоты,
Какъ крылатымъ будешь ты?
Тѣло—братъ, душа—сестра,
Въ обручене ихъ игра.

ОТЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТОРОНЪ.

Ото всѣхъ четырехъ сторонъ,
зо всѣхъ четырехъ мы странъ,
Но одинъ намъ для всѣхъ законъ
Нашимъ собственнымъ сердцемъ данъ.

Эй, туманъ, разступись!
дѣсь Востокъ! Все зажгись!

Эй, сияй, пышный дугъ!
Здѣсь цѣлющий Югъ!

Эй, цвѣтокъ, тки нарядъ!
Здѣсь багряный Закатъ!

Эй, нашъ духъ, бѣлъ будь весь!—
Сѣверъ здѣсь! Сѣверъ здѣсь!

Такъ вотъ и будемъ мы въ чудѣ расцвѣта,
Съ снѣгомъ январскимъ вѣнчаемъ мы лѣто,
Духъ обручаемъ мы съ тѣломъ живымъ.
Гдѣ онъ? За нимъ! Мы летимъ! Мы летимъ!

ГОЛУБКА СЪ ГОЛУБКОМЪ.

— Отчего, сестра, молчишь,
Ничего не говоришь?
— Мнѣ, мой братикъ, очень вновѣ
Свѣтъ цвѣтовъ, хождение въ слѣвѣ.
То раскроюсь, то сожмусь,
Братевъ, братика боюсь.
— Ты не вѣрь себѣ, сестрица,
Будь какъ въ Небѣ голубица.
Со цвѣтами будь цвѣтокъ,
Говорилъ для насъ Пророкъ.
И Пророчица намъ гѣла,
Говорить —любитесь смѣло.
— Милый братикъ, я люблю,
Довѣряю Кораблю.
Да сама душа пророчить,
Вдругъ уйти отъ братевъ хочеть.
Не на вовсе, на часокъ.—
Засмѣялся голубокъ.
Встрепенулись, поглядѣли,
Улетѣли, въ самомъ дѣлѣ,
Улетѣли въ темноту,
Засвѣтили тамъ мечту.
Сестры, братья замѣчали,
Ничего имъ не сказали.
Коли хочется, такъ что-жь,
Уходи, опять придешь.

ГОЛУБИНЫЯ ПОВАДКИ.

За голубками слѣди да примѣчай.
 Ты подумаешь, что все въ нихъ невзначай,
 Вправду жь, есть всему въ нихъ счетъ, хоть не
 расчетъ,
 Все имъ вѣдомо, что съ часомъ притечетъ.

Коль голубка проворкуеть девять разъ,
 Это значитъ, что тепло идетъ на насъ,
 Если жь болѣе, чѣмъ девять, пропоеть,
 Это значитъ, будетъ теплымъ цѣлый годъ.

А когда она воркуеть безъ конца,
 Это значитъ, что готовы два вѣнца,
 Золотые, не простые, лишь для двухъ,
 У которыхъ въ двухъ тѣлахъ единый духъ.

СВѢТЛЫЙ ЛѢСЬ.

Есть и свѣтлые лѣса,
 Въ нихъ поидемъ, моя краса,
 Въ нихъ мы будемъ по веснѣ
 Проходить какъ бы во снѣ.

И прижмемся при Лунѣ,
 Я къ тебѣ, а ты ко мнѣ.

Мы увидимъ тамъ съ тобой
 Колокольчикъ голубой,
 Колокольщевъ этихъ звонъ
 Словно сонъ со всѣхъ сторонъ.

Лѣсь нашъ—свѣтлый, это—онъ,
 Если звонъ со всѣхъ сторонъ.

Колокольчики поютъ,
 Вотъ давай присядемъ тутъ,
 Въ звонахъ столько серебра,
 Какъ любви во мнѣ, сестра.

Говоръ въ звонѣ серебра:—
 Ужь весна пришла. Пора.

СВАДЬБА.

Я вѣнчалася съ дружкоймъ
Подъ кусточкомъ подъ кустомъ,
Платье свадебно Луна
Убѣлила съ высоты,
Наша церковь—тишина,
Гости свадебны — цвѣты.

Подъ кусточкомъ подъ кустомъ
Тамъ и свадебный былъ домъ,
Были пѣвчіе у насъ:
Между ладанныхъ вѣтвей,
Всю-то ночку пѣлъ—какъ разъ
Надо мною—соловей.

Обручала насъ весна,
Обвѣнчала тишина,
И на яблонѣ лѣсной
Осыпались лепестки.
Хорошо ль тебѣ со мной?
Вѣчно ль будемъ мы дружки?

ГОЛУБАЯ ЗАУТРЕНЯ.

Пловучими туманами
Одѣтъ подь утро лѣсъ.
За бѣлыми полянами
Ужъ ликъ Луны исчезъ.
И бѣлыми полянами
Проходимъ мы съ тобой.
Зоветь гостями званными
Насъ цвѣтискъ голубой.

Велить намъ быть веселыми,
Еще придти съ тобой.
Свѣтло звонить надъ долами
Заутреней цвѣтной.
Надъ синими надъ долами
Звонить онъ Кораблю.
Равняеть мысли съ пчелами,
„Люблю“ постъ, „Люблю“.

КОШНИЦА.

Я дождусь заповѣднаго времечка,
Разбирать буду каждое сѣмечко.
Разберу сѣмена, разгляжу, положу,
Что увижу, и въ чемъ, никому не скажу.
А когда разложу сѣмена по рядамъ,
Буду въ гости я ждать Свѣтлоокую къ намъ.
О нарядныхъ цвѣтахъ затоскуеть Весна,
Тутъ я ей послужу, посажу сѣмена.
Тутъ я ей покажу: какъ вверху глубина,
У меня звѣздъ земныхъ вся кошница полна.

САДЪ МОЙ САДЪ.

Садъ мой садъ, таинственный,
Свѣтъ живой воды,
Между звѣздъ единственный,
Рядные плоды.
Кто-то Свѣтлый ходитъ въ немъ,
Нѣжить лепестки,
Кто-то Стройный бродитъ въ немъ,
Сномъ поитъ цвѣтки.
Зыбкою дремотою
Радуетъ траву,
Тонкой позолотою
Пѣститъ онъ листву.
Божьими онъ дочками
Синь-цвѣтки зоветъ,
Съ бѣлыми цвѣточками
Водитъ хороводъ.
Нѣжное, чудесное
Вводитъ онъ въ мечты,
Въ Царствіе Небесное
Всѣ глядятъ цвѣты.

НЕЗАБУДОЧКА.

Незабудочка цвѣточекъ
Очень ласково цвѣтетъ,
Для тебя мой другъ-дружочекъ,
Надъ водицею растетъ.

Надъ водицей, надъ криницей,
Надъ водою ключевой,
На зарѣ съ звѣздой-звѣздицей
Говорить—ты будто мой.

Незабудочка цвѣточекъ
Нѣжно-синенькій глазокъ,
Все зоветъ тебя, дружочекъ,
Слышишь тонкій голосокъ?

ВѢТЕРЬ БУЕНЬ.

Вѣтеръ буень пролеталь,
По листочкамъ трепеталь.
Я же, весела,
Въ глубь по саду шла.

Вѣтеръ буень въ цвѣтникъ алъ
Закрутился, въ немъ запаль.
Колдовалъ цвѣтокъ,
Мнѣ и невдомекъ.

Въ сердцѣ дума весела,
И безъ думы я была.
Подошла къ цвѣтку,
Къ нѣжну лепестку.

Приоткрылся цвѣтикъ алъ,
Прямо въ сердце мнѣ дышалъ.
Милъ мнѣ алъ цвѣтокъ,
Милый уголекъ.

Наклонилась я къ нему,
Пошатнулась, не пойму.
Словно вѣтерокъ
Закружилъ листокъ.

Прикоснулась я къ цвѣтку,
Чую сладкую тоску.
    Нравится мнѣ цвѣтъ,
    Рвать его иль нѣтъ?

Буень вѣтеръ возставаль,
Многоструень овѣваль.
    Больше нѣту силъ,
    Съ ногъ меня свалилъ.

Закружилась голова,
Я лежу, едва жива.
    Вѣтеръ—врагъ? Иль нѣтъ,
    Вѣрно, алый цвѣтъ?

ЦВѢТОЧКИ.

Я по рошицѣ ходила
Въ ней бродила поутру,
Про себя я размышляла,
Что цвѣточковъ наберу,
Что цвѣточковъ я немало
Замано въ свою игру,
А ужь силушка-то сила
Въ сердцѣ выхода просила.

Я лазоревыхъ цвѣточковъ
Межъ листочковъ набрала,
Я сама не замѣчала,
Какъ далеко я ушла,
Я златой цвѣтокъ срывала,
И душа была свѣтла,
Вдругъ увидѣла кусточекъ,
Подъ кусточкомъ мой дружокекъ.

Ужъ такой ли аль цвѣточекъ
Мой дружокекъ мнѣ сорвалъ,
Я дрожала и не знала,
Какъ мнѣ скрыть тотъ цвѣтикъ аль,
Такъ ужь стыдно, небывало
Тотъ цвѣточекъ расцвѣталъ,
Не могу теперъ дружочка
Отпустить изъ-подъ кусточка.

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

Какъ мнѣ страшно было, сестры,
Я изъ сада въ лѣсъ ушла.
Мотыльки тамъ были пестры,
И калина тамъ цвѣла.

И ужь долго ль тамъ была я,
И гналась за мотылькомъ,
Я не знаю,—только, злая,
Вѣдьма стала надъ путемъ.

Снизу ль вышла, сверху ль встала,
Или съ боку подошла,—
Очи злая, свѣтять ало,
А во рту—и ночь, и мгла.

Я гляжу, она все ближе,
И кривится, и растетъ,
Кости гложетъ, кости нижетъ,
Ожерелье мнѣ плететь.

Ротъ раскроетъ и закроетъ,
Справа вечеръ подступилъ,
Ротъ раскроетъ, филинъ воетъ,
И полночный часъ пробилъ.

Отъ веселья иль отъ злости
Все свѣтлѣй глаза у ней,
Все страшнѣй бѣлѣютъ кости,
Я—бѣжать, она—„Не смѣй“.

Погрозилась, я застыла,
Я стою, и сплю—не сплю.
Цѣлый лѣсъ—моя могила,
Какъ вернусь я къ Кораблю?

Только вдругъ вдали запѣли
По деревнѣ пѣтухи.
Гдѣ я? Что я, въ самомъ дѣлѣ?
Ахъ, напасти! Ахъ, грѣхи!

Чья-то дивная избушка,
Я предъ дверкою стою,
И предобрая старушка
Нѣжитъ голову мою.

Говорить: „Вотъ такъ-то всѣ мы,
Черезъ это всѣ прошли,—
Да предъ этимъ звѣзды нѣмы,
А теперъ поютъ вдали“.

И воистину, сестрицы,
Звѣзды пѣли надо мной,
И лазоревы варницы
Вились лентою цвѣтной.

А изъ лѣсу-то пошла я,
Мнѣ дала старушка бусъ,
И совсѣмъ она не злая,
Ничего я не боюсь.

А какъ вышла я къ долигѣ,
Вижу чудо—межь вѣтвей
Не цвѣты ужъ на калигѣ,
Много ягодныхъ огней.

Словно алые кружочки,
Словно цвѣтъ родилъ звѣзду.
И сижу я здѣсь въ садочкѣ,
А опять я въ лѣсъ пойду.

НА КРОВАТКѢ.

На кроваткѣ на тесовой
Вешній садъ.
Тамъ дружокъ мой непутевый,
Говорять.
Говорить-то это птица
Надъ избой,
Да еще вотъ половица
Подъ ногой.
Онъ съ кровати поднимался,
Возставалъ,
Черезъ оконце наклонялся,
Цвѣтикъ рвалъ.
Черезъ оконце этотъ цвѣтикъ
Онъ пронесъ.
жъ мнѣ стоилъ этотъ цвѣтикъ
Много слезъ.
И какія эти слезы,
Не пойму.
съ ему отдамъ я розы,
Все ему.
Съ нимъ весь мѣръ какой-то новый,
Все свѣжо.
На кроваткѣ на тесовой
Хорошо.

СОНЪ.

Меня сонъ не беретъ,
Изъ ума мой милъ нейдетъ.
Гдѣ то онъ? Ужь темно.
Мѣсяцъ смотрится въ окно.
Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
Приходи ко мнѣ хоть сонъ.

А сонъ соскользнулъ,
На рѣсницы мнѣ дохнулъ,
Пошепталъ—приведу,
Засвѣчу твою звѣзду.
Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
Разморилъ меня мой сонъ.

Гляжу, не гляжу,
Вся какъ пьяная лежу.
Звѣзды, что ль, въ цвѣтахъ горять?
Это горница нль садъ?
Это онъ! Это онъ!
Ахъ, какъ свѣтитъ Небосклонъ!

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Я взглянула изъ окна,
Вижу—бѣлая Луна.
Слышу—сладко межъ вѣтвей
Распѣваетъ соловей.

Сладкопѣвецъ распѣвалъ,
Въ Небо голось подавалъ.
Въ Небѣ звѣзды съ высоты
Упали на цвѣты.

Чѣмъ нѣжнѣй незримый пѣлъ,
Тѣмъ былъ больше Мѣсяцъ бѣлъ,
И свѣтлѣй въ зеленый садъ
Лился звѣздный водопадъ.

И красавица Луна
Такъ была въ конецъ блѣдна,
Что какъ призракъ съ высоты
Опрозрачила цвѣты.

И отъ звѣздъ и отъ цвѣтовъ
Столько всюду было сновъ,
Что навѣкъ въ душѣ моей
Не смолкаетъ соловей.

ЗАВОРОЖИЛЬ.

Душу обнялъ ты мою,
Свѣтловзоръ, тебя пою,
Чѣмъ меня заморозилъ?
Вѣдь не золотомъ кудрей,
Хоть въ саду ты всѣхъ свѣтлѣй,
Хоть изъ всѣхъ ты сердцу миль
Измурдностью очей,
Воркованіемъ рѣчей.
отъ и этимъ упоилъ,
Да не этимъ душу взялъ,
И не этимъ во дворецъ,
Манишь столько ты сердце,
Въ самый праздничный нашъ залъ.
Тѣмъ, что взоръ твой отразилъ
Несосчитанность свѣтилъ,
ѣмъ, что голосъ твой—весна.
Сине-Море-глубина,
Тѣмъ, что каждый поцѣлуй
У тебя какъ свѣжесть струй,
Тѣмъ, что тѣлу давъ мечты,
Въ тѣлѣ душу обнялъ ты,
Этимъ, этимъ, межъ сердце,
Взялъ мое ты наконецъ.

КРУТОЙ БЕРЕЖОКЪ.

Хорошо-ль вы, братцы, почивали,
Хорошо-ль вы спали, ночевали?
Я-то добрый молодецъ, хоть спалъ,
Только плохо сердцемъ почивалъ.
Снилось мнѣ, что бережкомъ я краснымъ
По крутымъ мѣстамъ пошелъ опаснымъ,
Былъ мнѣ любъ тотъ красный бережокъ,
Какъ онъ крутъ, мнѣ было невдомекъ.
Загулялся я, и остуился,
Бережокъ тотъ красный обвалился.
Остуился лѣвой ногой,
Ухватился правою рукой
Я за древо крѣпкое, кручину,
И держу, и древо не покину.
Такъ вотъ здѣсь, надъ быстрою водою,
Весь свой вѣкъ скончаю молодой.

БЪЛАЯ ПТАШКА.

Розовая кашка
Въ зарѣ расцвѣчалась.
А бѣлая пташка
По саду металась.
Самая бѣлая
Межъ бѣлыхъ райскихъ птицъ,
Самая несмѣлая,
Съ вѣтвей упала ницъ.
Крылышкомъ махаетъ,
Крылышками блещетъ,
Сердцемъ въздыхаетъ,
На землѣ трепещетъ.
Мать моя родная,
Мать Земля сырая,
Исповѣдь мою
Я не утаю.
Вѣтви—изумрудны,
Отъ сестрицъ тамъ бѣло,
ѣтви—многочудны,
Быть тамъ не сумѣла.
Что-то закружилось,
Что-то повлекло,
Въ вихрь я носилась,
Стало тяжело.

Я была въ усладѣ,
Въ садѣ и не въ садѣ,
Выше изумруда,
Новое тамъ чудо.
Духъ мой захватило,
Выше быть вѣтвей!
Слабость или сила,
Но была я—съ ней.
Съ сладостію, съ нею,
Быть хочу опять,
Лишь о ней жалѣю,
Больше—не видать.
Полно, птичка, биться
О сырую землю.
Въ сердце все вмѣстится,
Сердцу здѣсь я внемлю.
Я твоей былъ силой,
Слабостію несмѣлой.
Съ пташкой бѣлокрылой
Быть мнѣ птицей бѣлой!

ЖЕМЧУЖИНА ПЕРЛАМУТРОВНА.

Я приду къ тебѣ въ навечеріе,
Буду ждать тебя у преддверія,
Чтобъ въ завѣтный часъ мнѣ увидѣть свѣтъ
Ненаглядныхъ глазъ, гдѣ на все отвѣтъ.

Я приду къ тебѣ какъ наитіе,
Буду ключъ златой для раскрытія,
Чтобъ душа душѣ, о, Жемчужина,
Вся была сполна обнаружена.

Я приду къ тебѣ какъ къ заутренѣ,
Я Жемчужинѣ Перламутровнѣ
Прошепчу сквозь дверь: „Отомкни теперь.
Я люблю тебя. Отворись и вѣрь“.

ВЪ РАКОВИНѢ.

- Ты гдѣ была, Жемчужина, когда я ждалъ тебя?
- Я въ раковинѣ пряталась, и тамъ ждала—любя.
- О чемъ же ты, Жемчужина, тамъ думала въ тиши?
- О радости, о сладости, о счастьи души.
- И въ чемъ же ты, Жемчужина, то счастье нашла?
- Въ дрожаніи сознанія, что вывесь взойду,—свѣтла.
- А знала ль ты, Жемчужина, что теремъ твой сломлю?
- Онъ темень былъ, я свѣтлая, я только свѣтъ люблю.
- А знала ль ты, Жемчужина, что послѣ ждеть тебя?
- Я отсвѣтъ Лунѣ, я отблескъ Солнца, мой путь—свѣтитъ любя.

ЗВѢЗДНАЯ МЫСЛЬ.

— О, сестра моя дарованная,
Лучшей мыслью облюбованная,
Солнце, Море, все мое,
Что ты видишь?—Лезвие.
— О, сестра моя, плѣнительница,
Звѣздныхъ мыслей обольстительница,
Что грозитъ намъ лезвиемъ?
— Лѣсь.—Но мы въ Саду вдвоемъ.
— Лѣсь грозитъ намъ разбойниками,
Смертелюбами, покойниками.
— Для чего-жь идти намъ въ Лѣсь,
Если столько здѣсь чудесъ?
— Если я Судьбой дарованная,
Звѣздной мыслью облюбованная,
Я хочу ихъ просвѣтить,
Въ яму къ свѣту бросить нить.
— О, надъ душами гадательница,
Золотая сострадательница,
Если ты горишь въ Саду,
Видитъ Лѣсь—изъ тьмы—звѣзду.
И свободны волей ямьники,
Захотятъ, придутъ пламенники,
Не хотятъ, продолжать путь,
Ты же, звѣздность, въ звѣздахъ будь.

ВЕРШИННЫЙ СОНЪ.

Если жемчугъ, сафиръ, гяцинтъ, и рубинъ
Съ изумрудомъ смѣшать, превративши ихъ въ пыль,
Нѣжный духъ ты услышишь, нѣжнѣй, чѣмъ жасминъ,
И красиво-пьянѣй, чѣмъ ваниль.
Въ ароматѣ такомъ есть фіалка весны,
И коль на ночь подышешь ты тѣмъ ароматомъ,
Ты войдешь въ благовонно-стозвонные сны,
Ты увидишь себя въ Вертоградѣ богатомъ,
Въ Вертоградѣ двѣнадцати вратъ,
Гдѣ оплоты подобны сіяющимъ латамъ,
И рядами въ стѣнахъ гяцинтамъ горятъ,
И рядами алѣютъ и льются рубины,
И рядами, какъ возлѣ озеръ—берега,
Изумруды, сафиры горятъ, жемчуга,
Кто-то шепчетъ тебѣ:—„Ты единый!
„Посмотри, посмотри:—
„Здѣсь заря—до зари.
„Любишь?“—„Счастье! Люблю.“—„Повтори! Повтори!“
„О, люблю!“—Какъ сіяютъ вершины!

ЛАДАНЪ.

Есть ладанъ и ладанъ. Есть ладанъ простой,
Хоть свѣтъ отъ него золотой.
И духъ его, синій расцвѣтъ омиама,
Есть чара вечерняго храма.

Есть ладанъ, который—отъ утреннихъ росъ,
Отъ ночи, отъ зорь, и отъ слезъ.
И столько-ль молитвъ, какъ сердечнаго зноя,
Въ пахучемъ дыханьи бензоа.

ВО ХРАМЪ НОЧНОМЪ.

Во храмъ ночномъ
Бряцаютъ кадила.
Башенный звонъ притихъ.
Ладанъ, бензой, киннамомъ,
Рѣетъ Небесная сила,
И стройный поется стихъ.
„Сестра ожиданій моихъ,
Звѣзда исканій полночныхъ.
Огонь мгновеній урочныхъ,
Когда нельзя не любить.
Цѣнный камень, въ которомъ
Пламени—жаждущимъ взоромъ
Поютъ возсіявшимъ хоромъ.
Въ тайну—лучистая нить,
Несокрушимость, основа
Для золотого,
Жданнаго,
Столь осяннаго,
Храма.
Весь міръ для тебя лишь лучистая рама,
Весь міръ для того лишь возникъ,
Чтобъ изъ сердца, гдѣ вспыхнулъ кладъ,
Гдѣ вотъ эти огни горять,
Вывался крикъ,

Пламенно-жаркій,
И знающій также, какъ сладостна тишь,
Въ молитвѣ безгласной и яркой,
Когда какъ звѣзда ты горяишь,
Когда какъ Луна ты, какъ Солнце, какъ Богъ,
Какъ радуга молній, какъ шопоть, какъ вздохъ,
Какъ зовъ изъ-за дали морей,
Наконецъ возвѣстившій: «Пора!
Приходи, я тебя увѣнчаю всѣмъ блескомъ расцвѣт-
шихъ вѣтвей.»

О, сестра! О, сестра!
Я хотѣлъ бы всѣ звѣзды, всѣ души замкнуть
Для тебя, здѣсь, въ душѣ просвѣтленной моей.
О, сестра!
Ты—путь“.
Ладанъ, бензой, киннамомъ,
Брянчанье пахучихъ кадилъ.
„Братъ, ты отрада, ты мой домъ,
Братъ, сколько счастья въ огнѣ голубомъ.
Звѣзды Господь—для тебя засвѣтили,
Для тебя всѣ цвѣты расцвѣтили.“

ТИХІЙ ДОНЪ.

„И времени больше не будетъ...“
Откровеніе.

На Тихомъ на Донѣ,
Въ сѣяніи и въ звонѣ,
Цвѣтеть зеленѣющей садъ.
Летаютъ тамъ птицы,
Сіяютъ зарницы,
Стоять тамъ свѣтлицы,
Горятъ.

Въ свѣтлицѣ столовой
Тамъ столъ есть дубовый,
Двѣнадцать любимыхъ за нимъ.
Они не страдаютъ,
Они обладаютъ,
Въ нихъ сумраки таютъ,
Какъ дымъ.

Въ свѣтлицѣ столовой,
Въ той горницѣ новой
И вѣчной какъ Солнце и свѣтъ,
Двѣнадцать красивыхъ,
Безсмертно-счастливыхъ,
Все въ мирѣ—въ разрывахъ,
Здѣсь—нѣтъ.

Въ нѣмомъ поцѣлѣ
Застывшія струи
Молчаньемъ окованныхъ водъ.
И звонъ колокольный,
Надъ бездною дольной,
Въ уютъ тотъ безбольный—
Зоветь.

ГОЛОСЪ.

Былъ голосъ изъ-за облака:—Пребудьте въ бытїи.
Послушайте, вы, голуби, вы, вѣрные мои.
Затѣемъ мы огнистую свѣжистую игру,
Я плоть себѣ пречистую покровомъ изберу.
Я въ эту ткань богатую по-царски облечусь,
Не тѣню къ вамъ крылатою, а весь какъ есть явлюсь.
И будетъ духъ—въ круженїи, какъ голубь круговой,
Въ сверканьи и въ горѣнїи въ свирѣльности живой.
Въ великой осянности кружащихся планидъ,
Въ блаженной несказанности, въ которой буря спитъ.
И вотъ—и вотъ—идеть она, идетъ она, растетъ,
Въ душѣ горячимъ молнїямъ забыть-утраченъ счетъ.
Мы въ бѣшеной любовности, мы въ бѣлыхъ облакахъ,
Въ великой безгрѣховности, въ свѣжащихъ насъ
громахъ.

БОГЪ ЖИВОЙ.

(Голуби).

Ты оставь чужихъ людей,
Ты межъ братьевъ поради,
Богомъ-Духомъ заглади.

Люди ходятъ такъ и сякъ,
Входятъ въ свѣтъ и входятъ въ мракъ,
А не знаютъ вѣщій знакъ.

Мы же—посолонь всегда,
Наша—свѣтлая страда,
И несбивчива—Звѣзда.

Богъ есть мертвый, Богъ живой,
Богъ живой да будетъ твой,
Поспѣшай, Господь съ тобой.

БОГЪ ЖИВОЙ.

(Горлицы)

Богъ живой, вездѣ живой,
Въ Небошири голубой,
Въ Солнцѣ, въ Мѣсяцѣ, въ звѣздѣ,
Въ протекающей водѣ.

Въ громоздящихся китахъ,
Въ еле видимыхъ цвѣтахъ,
Въ паутинкѣ на вѣтру,
Въ снѣ послѣднемъ поутру.

АЗЪ ЕСМЬ БОГЪ.

Азъ есмь Богъ, въ вѣкахъ предсказанный,
Изъ глубинъ своихъ развязанный,
Изъ глубинъ своихъ свободъ
Вставшій здѣсь, какъ мигъ и годъ.

Азъ есмь Богъ и откровеніе,
Темнымъ душамъ во спасеніе,
Свѣтлымъ душамъ въ поцѣлуй,
Да поють, любя: „Ликуй!“

Азъ есмь Богъ вочеловѣченный,
Звѣздоликостью отмѣченный,
Всѣхъ другихъ боговъ не счесть,
Но иного Бога нѣсть.

НѢТЬ ДРУГОГО УЧЕНІЯ.

Нѣтъ другого ученія. Не ищите его.
А на чемъ вы поставлены, стойте.
То, что вамъ заповѣдано, не утратьте того,
закинувши неводъ свой, пойте.

Не женись, неженимые. Разженитесь съ женой,
Вы, женимые,—будьте съ сестрою.
И глазами въ глаза взглянувъ, глубина съ глубиной,
Будьте тѣломъ—и тѣломъ—съ душою.

Разъ вы хмѣля касаетесь, да лучишь будетъ хмѣль,
Разъ въ словахъ, не склонись къ суесловью.
Семикратно есть проклять тотъ, кто разрушилъ
свирѣль,

Семибездно онъ проклять Любовью.

Не украдете. Единую кто копѣйку возьметъ,
Ту копѣйку положить на темя.
Будетъ жечь, будетъ жечь она, до прошенья прож-
жетъ,

Но, чтобъ плавиться, нужно ей время.

Другъ ко другу ходите вы, и водите хлѣбъ-соль,
И лобитесь любовью желанной.
И храните всю заповѣдь, и храните, доколь
Не приду къ вамъ, Огнемъ осіянный.

ГРѢХЪ ОДИНЪ.

Есть грѣхъ одинъ и грѣхъ мучительный,
Хотя и много есть грѣховъ.
Одинъ чрезмѣрно-унизительный,
И продолжающійся, длительный,
Въ себѣ таящій сонмъ гробовъ.

То грѣхъ души съ душою скованной,
То принужденіе для губъ,
Когда привычно-уготованный
Есть пощѣлуй не очарованный,
И тѣло съ тѣломъ—групъ и групъ.

На этотъ грѣхъ, съ безмѣрной ратію,
Иду, и вѣшній вѣтръ струю.
Я предаю его проклятію,
Я предаю его треклятію,
Четвероклятію предаю.

ЧЕТВЕРОКЛЯТІЕ.

Четвероклятіе мое
Не только въ отверженіи.
На сжатой нивѣ есть старье,
Я жгу его, свящу ее,
И, освящая бытіе,
Такъ возвѣщаю въ пѣны.

Заклятіе первое—Огонь.
Сквозь снѣгъ ведетъ онъ къ Маю.
Имъ стебель живъ, и волкъ, и конь,
И человѣкъ. Идетъ—не тронь,
Придетъ—впусти, онъ святъ, Огонь.
Иначе—сжигаетъ.

Второе слово есть Земля.
Въ ней свѣжесть вѣшней силы.
Въ ней спитъ зерно, о днѣ моля,
Стволы растутъ для Корабля,
Люби ее, намъ мать Земля.
Иначе—мракъ могилы.

Заклятіе третіе—Вода.
Въ ней вѣчность возрожденья.
Въ ней отражается Звѣзда,
Въ ней дождь и слезы, нѣтъ и да,
Люби ее, сестра Вода.
Иначе—потопленье.

Четвертый голос—Вѣтра духъ.

Въ немъ вольный зовъ свирѣли.

Святую тайну мысли вслухъ,

Въ цвѣткѣ лелѣи нѣжнѣйшій пухъ,

Пойми, что въ Вѣтрѣ дышетъ Духъ.

Иначе—свистъ мятели.

ОБЩНИКИ СВЯТОСТИ.

Общники нѣкоей святости, кою въ словахъ не
замкнуть.

Съ вами сливаюсь я мыслию, вотъ раскрывается грудь.
Нѣтъ, не ключомъ отмыкается. Нѣтъ, не блестящимъ
ножомъ.

Все же открылась, какъ горница. Въ горницѣ кладъ
бережемъ.

Гнали насъ. Это мнѣ вѣдомо. Голову сѣкли враги.
Сердце тѣснили и мучили. „Лги, заблуждайся и лги“.
Мечь былъ не страшень искателямъ. Нужно вамъ
жертвы? Такъ что-жъ

Примемъ—отсюда отшествіе. Только не примемъ мы—
ложь.

Гнали насъ. Даже скончавшихся вырыли низкой ру-
кой.

Въ пламень кощунственно бросили призрачность, прахъ
дорогой.

Пепель развѣяли въ воздухъ. Благо! Священенъ огонь.
Вѣтеръ, ты, вѣющій вольностью, спасъ отъ чрезмѣр-
ныхъ погонь!

Дальше! Въ верховную сторону. Дальше! Опять и
опять.

Между людей изумившихся звѣздная свѣтитъ печать.
Къ брату отъ брата свѣченіе. Брату отъ брата вѣ-
нечь.

Свѣтлая длинная лѣстница. Дѣти и звѣздный Отець.

ИСХОДЪ.

Изъ темнаго подполья,
Гдѣ пряталися мы,
Во время своеволья
Метелистой Зимы,
На праздникъ Богомолья
Выходимъ мы теперь,
На вольное раздолье
Изъ тьмы раскрылась дверь.

И Диво-Голубица,
Что первая межъ насъ,
Завѣтная криница,
Негаснушій алмазъ,
Сіяетъ намъ—Звѣздица,
Проходитъ череда,
И въ каждомъ сердцѣ—птица,
Во всѣхъ очахъ—звѣзда.

КЪ СЛАДИМЪ-РѢКѢ.

Сладимъ-Рѣка, ты слышишь?
Я правду говорю:
Дышу—когда ты дышешь,
Горишь—и я горю.

Лукавишься ты Змѣемъ—
Змѣино мы скользимъ,
Мерцаемъ и нѣмѣемъ,
Живемъ огнемъ твоимъ.

Отъ вѣка и до вѣка,
И раньше вѣковъ всѣхъ,
Твое мы пили млеко,
Лелѣяли твой смѣхъ.

Какъ молнія любилъ я
До дней моихъ земныхъ,
Какъ жаворонокъ былъ я,
Испивши водъ твоихъ.

И былъ звѣздистымъ тигромъ,
Зеленой былъ змѣей,
Чтобъ вѣчно—къ новымъ играмъ,
Чтобъ вѣчно—быть съ тобой.

И я свирѣльникъ нынѣ,
Сладимъ,—чтобъ жить, любя,
Съ тобой журчать въ пустычѣ,
Пѣвцамъ пропѣть—гебя.

ЖЕНИХЪ.

Женихъ идетъ, Женихъ грядетъ,
Невѣсту отыскалъ,
Его дворецъ—небесный сводъ,
Его коверъ—зеркальность водъ,
А башня—глыбы скалъ.

Женихъ пришелъ, Невѣсту взялъ,
Приданое—Земля,
Его же знакъ есть свѣтикъ аль,
Замкнуть въ началѣ всѣхъ началъ,
Въ движеніи Корабля.

Пришелъ Женихъ, пришелъ Женихъ,
Невѣста хороша,
Вѣка и дни дѣлили ихъ,
Теперь поемъ мы брачный стихъ,
Вѣнчается—Душа.

ЗЛАТОЙ ТКАЧЬ.

У тебя вѣнецъ златой,
У тебя въ глазахъ—лазурь.
Надъ глубокою водою
Ты дышалъ рожденьемъ бурь.

У тебя вѣнецъ златой,
Очи—свѣтлый изумрудъ.
Въ сердцѣ—пламень молодой,
Въ мысляхъ—горлицы по

Нашей Утренней Звѣздой,
Нашимъ Солнцемъ ты рождень.
У тебя вѣнецъ златой,
А въ очахъ—мудреный сонъ.

Къ намъ Вечернею Звѣздой,
Къ намъ Луною ты введенъ.
У тебя вѣнецъ златой,
Вкругъ тебя не молкнетъ звонъ.

Свѣтлый лукъ возьми—и стой,
Сердце каждаго—какъ лань.
Ты стрѣлою золотой,
Ты стрѣлою пѣвучей—рань.

Будь намъ Утренней Звѣздой,
Солнцемъ жги, и Солнцемъ встань.
Всѣмъ намъ нуженъ ткачъ златой,
Чтобъ соткать златую ткань.

У тебя вѣнецъ златой,
У тебя въ очахъ—намекъ.
Надъ Землей и надъ Водой
Ты поставилъ свой станокъ.

ГУСЛЯРЪ.

Невеликая обида,
Если кто меня не хвалить,
У меня зато есть гусли,
И въ душѣ поетъ смычокъ.
Эти гусли—отъ Давида,
И ужь разъ ладья отчалить,
Самъ не вѣдаю, вернусь-ли,
Богъ уводитъ мой челнокъ.

Звонки въ сердцѣ голубиномъ
Зовы горлицъ, ихъ журчанье,
Стройно ангельское пѣнье,
Я увѣровалъ въ себя.
Духъ владѣетъ Божьимъ сыномъ,
Въ каждомъ цвѣтикѣ—вѣщанье.
А меня несетъ теченье
Тамъ, гдѣ вѣсны ждуть, любя.

Такъ и ждуть и не проходятъ,
Отъ Апрѣля и до Мая,
Чуть посмотрятся въ Юнѣ,
И опять глядятъ въ Апрѣль.

И цвѣточно звоны бродячь,
Перекличка голубая,
Словно въ птицѣ Гамаюнѣ
Разыгралася свирѣль.

Разблажились и гуторять,
Словно море морю вторять,
Разыгравшіея гусли,
Отъ цвѣтка къ цвѣточку вздохъ.
И не ссорятся, не вздорять,
Лишь въ любви любовью спорять,
Я уплылъ въ напѣвъ,—вернусь-ли,
Это вѣдаетъ лишь Богъ.

БЛѢДНЫЙ БРАТЪ.

Блѣдный вымолвилъ братъ:
Ты чему больно радъ?
Я сказалъ: А тому,
Что теперь все пойму.

Блѣдный вымолвилъ мнѣ:
Цвѣтъ лишь цвѣтъ по веснѣ.
Я отвѣтилъ: Весна
Мнѣ навѣкъ суждена.

Блѣдный вымолвилъ братъ:
А зима? А закатъ?
Понялъ я: Братикъ мой,
Ты закатъ мой съ зимой.

Ты былъ я, отошелъ,
Въ Божій кругъ я вошелъ.
И на Божьемъ кругу
Все могу, все могу.

ХОРОВОДЪ.

По надъ прудомъ—прудомъ садъ, вешній садъ.
Бѣлымъ кругомъ схваченъ взглядъ, всѣ скользятъ.

По за лѣсомъ темный лѣсъ, шепчетъ лѣсъ.
Здѣсь воскресла пѣснь чудесна. Онъ воскресъ.

Подъ Луной—Луною лугъ, свѣжій лугъ.
Всѣ—со мною, всѣ—за мной, въ быстрый кругъ.

По надъ прудомъ—прудомъ темъ, тамъ темно,
Да по водамъ хороводы тѣшатъ дно.

Такъ ужъ гибки эти рыбки, всѣ плывутъ.
Здѣсь проблещутъ, тамъ сияютъ, тутъ зовутъ.

По надъ садомъ—садомъ Ночь, ширь Небесъ.
Міръ зоветъ къ святымъ забавамъ. Онъ воскресъ.

БРАТЪЯ-СЕСТРЫ.

Братъя, Сестры, порадѣйте во зеленымъ саду,
Каждый съ сердцемъ, въ каждомъ сердцѣ разожежемъ
одну звѣзду.

Въ быстрой смѣнѣ, мы—снѣжинки, пляшемъ, вихря
не видать,
А снѣжинки, зримо взору, восхваляютъ благодать.

Въ ожерельи, мы—какъ пчелы, мы—какъ звѣзды,
какъ цвѣты,
Мы, какъ птицы, научились этимъ снамъ—у высоты.

Братъя, Сестры, вы умѣйте благодатью повладѣть.
Если золото остынетъ, будетъ тягостная мѣдь.

Братъя, золото храните, и чтобъ каждая сестра
Ни дыханьемъ не затмила жемчужговъ и серебра.

Вы кореня золотые не топчите по землѣ,
Вы серебряныя вѣтки чуть качайте въ нѣжной мглѣ.

И въ воздушные листочки перебросьте вы огни,
Чтобъ, горя, да не сгорая, не осыпались они.

И въ глазахъ своихъ делайте поцѣлуйныя слова,
Чтобы вѣчнымъ изумрудомъ разстилась намъ трава.

СВѢТИСЬ, СВѢТИСЬ.

Свѣтись, свѣтись, Иерусалимъ,
Свѣтись, свѣтись, новый,
Мы обвѣнчали души съ Нимъ,
Вошли въ тайникъ Основы.

Ликуй и веселись, Сионъ,
Ликуй, ликуй, Сионъ,
Мы вѣрный поняли законъ,
Мы въ праздникъ и въ звонѣ.

Свѣтись, свѣтись, моя сестра,
Свѣтись, мой братикъ милый,
Мы были мертвыми вчера,
Мы вышли изъ могилы.

Да воспоемъ какъ сонмы лиръ,
Да возгремимъ какъ тучи,
Свѣтись, свѣтись, воскресшій міръ,
Воспой—кто сталъ пѣвучій.

РАДУЙСЯ.

Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка течетъ,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, въ Сладимъ-Рѣкѣ есть

медь,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ при-
льнемъ,
Радуйся—съ Сладимъ-Рѣкой мы въ Рай, мы въ Рай
войдемъ,

Радуйся—Сладимъ-Рѣка поить и кормитъ всѣхъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка смываетъ всякій грѣхъ,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ вѣщанье для души,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ спѣши,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть Рай,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, Сладимъ-Рѣку вбирай,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть медь,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка зоветь.

РАСКРЫТЫЕ УЛЯИ.

Всѣ окна въ нашемъ теремѣ огнемъ озарены,
Цвѣты на каждомъ деревѣ съ лучомъ обручены,
Отмѣтили всѣ двери мы, поставивъ тайный знакъ,
Теперь, что будетъ въ теремѣ—да будетъ это такъ.
Изъ кладезя глубокаго вода принесена,
Въ той горницѣ, гдѣ горлицы, святая тишина,
Гдѣ голуби—какъ въ проруби, тамъ чудится жерло,
И страшно такъ, и сладко такъ—что сказано, пришло.
Что сказано для разума, да будетъ на яву,
Дремотное—развязано, и дождь съчтетъ траву.
Листы къ листьямъ, уста къ устамъ, и тѣло къ тѣлу
льнуть,
И лучъ изъ водъ туманъ зоветь, какъ тучу, въ
Небосводъ.

А тамъ готова молнія, и лютяся, за огнемъ,
Изъ облакъ ведра полныя въ надземный водоемъ.
Журчатъ въ высокомъ теремѣ вспѣнный водометъ.
Ужели въ самомъ дѣлѣ мы не вкусимъ сладкій медъ?
Разъ въ уляяхъ есть обиліе, мы ихъ освободимъ.
Раскрой, душа, воскрылія! Теки, Рѣка-Сладимъ!

ВЗБРАННЫЙ ВОЕВОДА.

Взбранный Воевода нашъ сіяетъ высоко,
Взбранный Воевода нашъ нисходитъ глубоко.
Свѣтлымъ хороводомъ мы вездѣ за нимъ спѣшимъ,
Свѣтлымъ хороводомъ мы радніе свершимъ.
Взбранный Воевода нашъ просторъ объемлетъ весь,
Взбранный Воевода нашъ въ кругу сіяетъ здѣсь.
Бѣлымъ хороводомъ мы, какъ звѣзды за Луной,
Бѣлымъ хороводомъ мы горимъ во тьмѣ ночной.
Взбранный Воевода нашъ раститъ для насъ цвѣты,
Взбранный Воевода нашъ возжаждалъ красоты.
Вольнымъ хороводомъ мы все посолонь, идемъ,
Вольнымъ хороводомъ мы вѣнокъ ему плетемъ.

САВАОӨЪ.

Саваоө, Саваоө,
Отъ высокихъ облаковъ,
Для радѣтелей твоихъ,
Возлелѣй духовный стихъ,
Чтобы въ кругѣ, какъ на лугѣ,
Увидали мы другъ въ другѣ
Много мысленныхъ цвѣтовъ,
Саваоө, Саваоө!

Богъ громовъ, Саваоө,
Ты надъ вихремъ нашихъ сновъ,
Ускоря голубей,
Духомъ облачнымъ повѣй,
Чтобъ въ круженьи бѣломъ, бѣломъ,
Чтобъ въ хотѣнии смѣломъ, смѣломъ,
Ты сошелъ къ намъ, Саваоө,
Саваоө, Саваоө!

ПОГОНЯ.

Чей это топотъ?—Чей это шопотъ?—Чей это свѣ-
титса глазъ?—
Кто это въ кругѣ—въ бѣшеной выюгѣ—пляшетъ и
путаега насъ?

Чьи это крылья—въ дрожи безсилыа—бьются и снова
летяга?—

Чьи это хоры?—Чьи это взоры?—Чей это блещущий
взглядъ?—

Чье это слово—вѣчно и ново—въ сердцѣ постъ какъ
гроза?—

Чьи неотступно—можега, преступно—смотряга и смо-
тряга глаза?—

Кто измѣнился—кто это свился—въ полный змѣи-
ности жуга?

Чьи это кони—бѣлые кони—въ дикой погонѣ—
бѣгуга?

ВЕСЕЛЫЙ РОИ.

Вся въ вѣнцахъ седмигранныхъ, просіяла Сіонъ-
Гора.

Въ торжествахъ необманныхъ мы сошлись, мы сошлись.
Пора.

Живогласныя трубы намъ поють о живомъ цвѣткѣ.
И румяныя губы говорятъ о Сладимъ-Рѣкѣ.

Возсіяли зарницы, и до молній громовъ дошли.

Воспескалися птицы, и запѣли, поють вдали.

Ужъ вдали или близко, не узнать. Можетъ тутъ, въ
крови.

И высоко и низко перелетъ обойметъ. Лови.

Въ вертоградѣ веселомъ перелетомъ цвѣтокъ цвѣтеть.

И, подобные пчеламъ, мы рождаемъ по каплѣ медъ.

Въ вертоградѣ цвѣтушемъ мы съ толпою летимъ
вдвоемъ.

И на вихрѣ поюшемъ мы несомы—и мѣръ несемъ.

Въ вертоградѣ веселемъ перелетомъ цвѣтокъ цвѣтеть.

И, подобные пчеламъ, мы рождаемъ по каплѣ медъ.

Вертоградѣ цвѣтушемъ мы съ толпою летимъ вдвоемъ.

И на вихрѣ поюшемъ мы несомы—и мѣръ несемъ.

ЦАРЬ-ДУХЪ.

Царь Духъ! Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Богъ!

Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Духъ!

Возьми, прими мой стонъ, мой вздохъ,

Войди какъ звонъ въ мой слухъ!

Ой, Духъ! Ой, Духъ! Царь Богъ! Царь Богъ!

Твой зовъ нѣжнѣй, чѣмъ пухъ!

Въ меня, какъ дождь, чтобъ умъ не сохъ!

Царь Богъ! Царь Богъ! Царь Духъ!

ГУСЛИ.

Гусли непрестанные,
Ласково желанные,
Тѣшатъ райскихъ птицъ.
Трубы живогласныя,
Страстныя и властныя,
Манятъ тѣло ницъ.

Послѣ одиночества,
Слушая пророчества
Братьевъ и сестеръ,
Мы кругообразными
Тѣшимся соблазнами,
И сверкаетъ взоръ.

Мы какъ птицы носимся,
Другъ ко другу просимся,
Другъ ко другу льнемъ.
Пляшемъ, разомлѣлые,
И рубахи бѣлыя
Какъ мятель кругомъ.

Въ вихрѣ все ломается,
Вьется, обнимается,
Буйность безъ конца.

Посолонь круженіе,
Съ Солнцемъ наше млѣніе,
Солнечны сердца.

О, подобно саванамъ,
Свѣтитъ эта слава намъ,
Пляшетъ вертоградъ.
И какъ Мѣсяцъ блѣдны мы,
И какъ онъ побѣдны мы,
Слитные—горять.

ВЕРХОВНЫЙ ГОСТЬ.

Пресвѣтлый Гость, Верховный Гость,
Сойди, сойди, сойди!
Ты насъ таи, мы всѣ твои,
Гляди, гляди, гляди!
Ты насъ храни, а мы огни
Зажжемъ, зажжемъ, зажжемъ!
Въ живую плоть войди, Господь,
Огнемъ, огнемъ, огнемъ!
На свѣтлый лугъ, въ нашъ быстрый кругъ
Сойди, сойди, сойди!
Ты любь намъ, Гость, Верховный Гость,
Гляди, гляди, гляди!

ПЛЯСКА ДВУХЪ.

— Я изъ града Вѣтрограда,
Называюсь „Вѣй“.
— Я изъ града Цвѣтограда,
Я „Огонь очей“.
— Я по граду Вѣтрограду
Здѣсь, и нѣтъ, вонъ тамъ.
— Я по граду Цвѣтограду
Пить даю цвѣтамъ.
— Я во градѣ Вѣтроградѣ
Взвился, темнота.
— Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Жду цвѣтокъ—уста.
— Я во градѣ Вѣтроградѣ
Водоємъ взломлю.
— Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Проюю „Люблю“.
— Я изъ града Вѣтрограда
Брызну вихремъ струй.
— Я изъ града Цвѣтограда
Позову „Цѣлуй“.

ДА.

Ахъ, Отецъ мой Отецъ—да,
Ты зиждительный Творецъ—да,
Приведи меня въ конецъ—да,
Что въ конецъ всѣхъ сердець—да,
Гдѣ игра колоколецъ—да,
Гдѣ таинственный ларець—да,
Гдѣ вѣнчальный свѣтъ колець—да,
Ты въ злату трубишь трубу—да,
Пробуждаешь во гробу—да,
Вольнымъ быть велишь рабу—да,
Возвѣщаешь всѣмъ судьбу—да,
Завлекаешь въ ворожбу—да,
Въ золотую ворожбу—да,
Ахъ ты Батюшка святой—да,
Птица соколъ золотой—да,
Надъ глубокою водой—да,
Пролетаешь молодой—да,
Сердце вдругъ пронзишь мечтой—да,
Окрыляешь Красотой—да,
Съ птицей мчишься, съ той, и съ
той—да.

РАДѢНИЕ.

Дѣти Солнца, въ часъ полночный,
Собрались въ игрѣ урочной,
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженье,
Плотно сложены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждемъ въ душѣ живой воды.

Жерновъ крутится упорный,
Бѣлый праздникъ ночью черной,
Быстро, посолонь, стремленье,
Звѣзды, въ жаждѣ обновленья,
Прорѣзаютъ такъ туманъ,
Въ кругѣ, знаменье радѣнья,
Со святой водою чань.

Ногъ босыхъ все глуше топоть,
Усть сухихъ не слышенъ ропоть,
За одной живой стѣною
Двѣ и три идутъ волною,
Близъ рубахи—сарафанъ,
И напѣвной тишиною
Зачарованъ водный чань.

Въ глубинѣ явился Кто-то,
Въ ликѣ свѣтлая дремота,
Пробуждается въ купели,
Мы не даромъ здѣсь радѣли,
И пропѣли заговоръ,
Въ вихрѣ слышенъ зовъ свирѣли,
Въ чанѣ темномъ яркій взоръ.

Хороводъ нашъ содрогнулся,
Съ неземнымъ соприкоснулся,
Мы истомнымъ взяты расмъ,
Въ пляскѣ мы изнемогаемъ,
Мы блѣднѣй, чѣмъ полотно,
Духъ сошелъ, мы знаемъ, знаемъ,
Это было суждено.

ВЪ ТАЙНОЙ ГОРНИЦѢ.

Въ тайной горницѣ, гдѣ взяты души вольныхъ въ
нѣжный плѣнъ,
Свѣчи длинныя сіяютъ ровнымъ пламенемъ вдоль
стѣнъ.

Взоръ ко взору устремлялся, сердце въ сердце, разумъ
въ умъ,
Отъ пѣвучихъ думъ рождался, въ пляскѣ тѣлъ, раз-
мѣрный шумъ.

Вскрики, дикіе какъ буря, какъ въ пустынѣ крикъ орла,
Душу выявили въ звукахъ, и опять душа свѣтла.

Въ бѣломъ вихрѣ взмахи чувства сладкій вѣдали
предѣлъ,
И вѣнчальные наряды были саванами тѣлъ.

Въ этой пляскѣ изступленной каждый думалъ—про
себя,
Но, другими окруженный, вился—сразу всѣхъ любя.

Въ этомъ множественномъ ликѣ, повторивъ стократъ
изгибъ,
Души плыли, какъ весною—стройный шабашъ свѣт-
лыхъ рыбъ.

Такъ повторно, такъ узорно, съ хороводомъ хоро-
водъ,

Извиваясь, любить слитно, и, безумствуя, плывствъ.

И, проплывъ, осуществили весь молитвенный напѣвъ,
И въ сердцахъ мужскихъ блаженство, какъ блажен-
ство въ сердцахъ дѣвъ.

И въ тѣлахъ мужскихъ дрожанье, многострунность
въ тѣлѣ женъ.
Это было, жизнь свѣтила, воплотился яркій сонъ.

И въ тѣлахъ сияютъ души, каждый дышетъ, свѣтель
взглядъ,
Въ тайной горницѣ полночной свѣчи жаркія горять.

ТЫ СВѢТИ, СВѢТИ.

Ты свѣти, свѣти, свѣтель Мѣсяць-свѣтъ,
Ты свѣти, свѣти, Солнце красное,
Ты цвѣти, свѣти, нашъ садовый цвѣтъ,
Ты мечи лучи, сердце страстное.

Ты звони всѣ дни, колокольный звонъ,
Ты пророчъ всю ночь, разумъ царственный,
Обведемъ вокругъ четырехъ сторонъ
Нашъ веселый кругъ свѣтодарственный.

Волны бѣлыхъ сновъ закрутимъ въ мятель,
И въ глазахъ гроза будетъ рдяная,
Ты играй намъ Рай, ты воркуй, свирѣль,
Отъ вина съ Небесъ будь какъ пьяная.

ЧТО ЕСТЬ СВѢТЛЪЕ

Что есть свѣтлѣ пѣнья,
Свѣтлѣй чудотворенья,
Свѣтлѣ, чѣмъ алмазь,
И чѣмъ Пасхальный часть?
Что есть свѣтлѣй моления,
И солнечнаго зрѣнья,
Свѣтлѣй, чѣмъ медъ и кровь?
Любовь, любовь.

Въ любви есть звоны пѣнья,
И свѣтъ чудотворенья,
И жемчугъ, и алмазь,
И въ часъ новый часть.
Въ любви есть свѣтъ моления,
И солнечное зрѣнье,
Луна, и медъ, и кровь.
Люби — любовь.

БОЖИИ ПЛОТНИКИ.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Всѣ работаемъ мы тутъ,
Надъ Судьбою судимъ судъ,
Мы вѣдь Божіи,
Не проходимъ.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Мы не ходимъ въ мірѣ зря,
За работу — чуть заря,
До вечернихъ росъ
Тешемъ бѣлый тесь.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Намъ топоръ проворный лобъ,
Мы здѣсь строимъ бѣлый срубъ,
Топоромъ стучимъ,
Да въ свой духъ глядимъ.

Мы глядимъ на Лѣсъ,
Въ Морѣ день воскресъ,
Послужили намъ лѣса,

Вотъ натянемъ паруса
На Корабль мы свой,
На Корабль живой.

Коли плыть, такъ плыть,
Новый мiръ открыть,
Мы постукиваемъ тутъ,
Стружки словно цвѣтъ цвѣтутъ,
Мы плотнички,
Мы работнички.

СУДИТЬ СУДЬБУ.

Судьба тебя судить,—
Ты самъ ее суди.
Судьба тебя нудить,—
Ты гляди, что впереди.
Судьба тебя толкаетъ,—
Упреди ея толчокъ.
Судьба набѣгаетъ,—
А ты въ бокъ прыжокъ.

Судьба гонять насъ любить,—
На полетъ легка.
Судьба совсѣмъ погубить,—
Коль придетъ изподтишка.
А ежели увидить,
Что умъ ее ждетъ,—
Судьба насъ не обидить,
Возьметъ въ свой полетъ.

ТВОРЦАМЪ СИХЪ САДОВЪ.

О, страдатели, насаждатели, о, садовники сихъ са-
довъ,
Съ разнородными вамъ породами бой готовится, бой
готовъ.

Чуть посѣте сѣмя свѣтлое, сѣмя темное тутъ какъ
тутъ,
Чуть посадите стбель крѣпкій вы, травы цѣпкія здѣсь,
ростуть.

Чуть посадите цвѣтъ небесный вы, голубой цвѣтокъ
и какъ снѣгъ,
Чуть посадите нѣжно-алый цвѣтъ, слышенъ тихій
шагъ, слышенъ бѣгъ.

Надъ цвѣткомъ—часы и толпы минуть, воть подкра-
лися, воть бѣгутъ,
Стерегите ихъ, а не то они всѣхъ не бережныхъ сте-
регуть.

И когда впадутъ во вниманіе, въ нихъ воздушный
звонъ, нѣжный цвѣтъ,
И когда впадутъ въ невниманіе, это—вороны, свита
бѣдъ.

Созидатели, насаждатели, вы, садовники сихъ садовъ,
Цѣпки травы—прочъ, и глядите въ Ночь, тьмы ми-
нуть—дадутъ вамъ цвѣтовъ.

КАКЪ ТРАВА.

Человѣкъ на Землѣ
Какъ трава растетъ.
Зачинаясь во мглѣ,
Утра яснаго ждетъ.
За селомъ возрастетъ,
И цвѣткомъ расцвѣтетъ,
А въ селѣ—
Воскъ и медъ.

Почему же свѣтла
Божья служба въ ночи?
Потому что жила
Здѣсь трава, и пила
Божій дождь и лучи.

Почему же была
Свадьба душъ весела,
Обошелъ медъ кругомъ?
Потому что пчела
Надъ травкою была,
Въ бракъ вошла
Со цвѣткомъ.

КОРАБЛЬ.

Чтобъ Корабль построить нашъ,
Изъ златыхъ мы пили чашъ,
Всѣ испили мы, до дна,
Отъ столѣтняго вина.

И пошли во старый боръ,
Острый выбрали топоръ,
Твердый выбрали мы дубъ,
Чтобъ построить вѣрный срубъ.

Снасти вили мы рукой,
И не то что часть—другой,
И не то что цѣлый годъ,
Сколько-только Богъ сочтетъ.

И для паруса—въ законъ
Быль введенъ небесный лентъ,
И забылиась, чиста,
Вздутость бѣлаго холста.

Вздулся вѣтеръ и подулъ,
И пошелъ по Морю гулъ,
Вздулся парусъ, задрожалъ,
Теремъ въ Морѣ побѣжалъ.

И чтобъ шелъ корабль легко,
Быль посаженъ глубоко,
Чтобъ легко онъ въ Морѣ шелъ,
Грузъ богатый былъ тяжелъ.

Опрокинуться нельзя.
Въ Морѣ—вѣрная стезя.
Чтобъ корабль построить нашъ,
Изъ златыхъ мы пили чашъ.

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ.

По синему Морю Корабль нашъ плыветь,
Отъ края до края—сіяніе водъ.

Корабль—драгоценный, товары на немъ—
Улада для взора, играютъ огнемъ.

И хочется многимъ товары купить,
Но Рокъ имъ велѣлъ прихотливыми быть.

Коль скупъ ты, давай немудреную мѣдь,
Но, разъ дешевишься, не будутъ горѣть.

Коль бѣденъ, давай намъ послѣднюю мѣдь,
И будутъ рубиномъ играть и алѣть.

А если обманомъ иль силой возьмешь,
Ты вмѣсто сокровищъ—чудовищъ найдешь.

Такъ ѣдемъ мы Моремъ, причалимъ, и ждемъ,
Товары волшебнымъ сияютъ огнемъ.

И многіе думаютъ—мы колдуны,
И многіе думаютъ—просто лгуны.

Ни тѣмъ, ни другимъ не сказавъ ничего,
Мы дива даемъ съ Корабля своего.

Однихъ осчастливимъ, другихъ же смутимъ,
И снова мы въ Морѣ, и снова мы съ нимъ.

Въ безбрежномъ и нѣжномъ кораллы найдемъ,
И много рубиновъ съ кровавымъ огнемъ.

ВЪЩАНЬЕ.

Мы плыли по свѣтлой вечерней водѣ,
Все были свои, и чужого нигдѣ,
волны дробились въ своей чередѣ.

Живыя онѣ, голубыя.

Играли мы веслами, чуть шевеля,
Далеко, далеко осталась земля,
Бѣлъ Соколь—название того Корабля.

Родные на немъ, все родные.

Сидѣлъ у руля златоокий Пророкъ,
И былъ онъ какъ будто совсѣмъ одинокъ,
И страшный внезапно пропѣлъ онъ намекъ.

Морскія въ немъ страсти, морскія.

Годъ скрѣпился, день сосчитанъ, мигъ бѣжить
и не вернется,
Чась назначенъ, въ дикомъ плачѣ словно
пыль взметнутся всѣ,
Кто тебѣ казался Богомъ, волколакомъ обер-
нется,
Сорокъ громоеъ, водосомоеъ, сорокъ молній
въ ихъ красѣ.

Бойтесь, бойтесь! Безвозвратно! Ничего ужъ не
исправишь!

Всѣ убитые—возстали. Всѣ здавленные—
туть.

Горше всѣхъ лукавствъ, убогихъ—что теперь еще
лукавишь,

А глаза твои—какъ щели, самъ себѣ назна-
чилъ судъ.

Сядешь—пламень, ляжешь—камень, въ пропасть
кинешься—замкнется,

Въ ночь склубишься — сорокъ молній міру
выявятъ уклонъ,

Вся Вселенная смутится, и въ сѣдой клубокъ
свернется.

Слышишь громы? Сорокъ громоеъ! Падай,
падай, осужденъ!

Былъ блѣденъ и страшенъ Пророкъ у руля,
И всѣ мы дрожали, въщаньямъ внемля,
И волны качали оплогъ Корабля.

Живыя онѣ, голубыя.

Мы поняли, чтѣ онъ хотѣлъ намъ сказать,
О безднѣ скорбѣль онъ, скользя черезъ гладь,
Мы въ Свѣтѣ, но Бездна должна отстрадать.

Родные грѣхи намъ, родные.

Мы плыли по тихой и свѣтлой водѣ,
Все было свое, и чужого нигдѣ,
Молитву мы пѣли Вечерней Звѣздѣ.

Марія! Марія! Марія!

КОРАБЕЛЬЩИКИ.

Будьте тверды въ бурѣ дикой, корабельщики мои,
Онъ придетъ, кто намъ обѣщанъ въ быстротечномъ
бытіи.

Онъ поставитъ мачты крѣпки, паруса несокрушимы,
Онъ направитъ руль глядящій, онъ пронзитъ пожа-
ромъ дымы.

Вспыхнетъ съ нами онъ огнями, какъ комета въ бур-
ной мглѣ,
Онъ ужъ съ нами, между нами, на плывущемъ ко-
раблѣ.

Броситъ якорь въ добромъ мѣстѣ, какъ дойдемъ къ
завѣтнымъ даямъ.

Корабельщики, онъ съ нами. Мы причалимъ. Мы
причалимъ.

ПЛАВАНІЕ.

Какъ по синему по Морю всѣ мы плыли безъ печали,
Легки вѣтры намъ шумѣли, тихи вѣтры возставали.
Говорили намъ, шептали, что богатый брегъ вдали,
И по синему потоку насъ къ Востоку понесли.

Въ синемъ Морѣ съ каждымъ часомъ ярки птицы
намъ мелькали,

И невиданныя рыбы островами возникали,
Мы проплыли три недѣли, счетомъ ровно двадцать дней,
Мы не пили и не ѣли, въ изумленности своей.

Души были въ насъ пѣвучи отъ крылатостей лета-
щихъ,

Въ ароматахъ были тучи, какъ въ цвѣтущихъ веш-
нихъ чашахъ,

И отъ радости иные низвергались къ грудамъ рыбъ,
Но никто межъ нихъ, пловучихъ, изъ пѣвучихъ не
погибъ.

Такъ мы плыли въ синемъ Морѣ, и проплыли три
недѣли,

Мы отъ рыбъ засеребрились, вмѣстѣ съ птицами мы
пѣли,

И когда приплылъ Корабль нашъ на сияющій Востокъ,
Каждый былъ пѣвучъ, и свѣтелъ, и угадчивъ. и высокъ.

ДУХЪ СВЯТОЙ.

Духъ Святой по синю Морю надъ водою ходитъ,
Неводъ шелковый по Морю Духъ Святой заводитъ.

Бѣлу рыбицу онъ ловитъ для садковъ садовыхъ,
Золотыхъ Онъ манитъ рыбокъ, самъ въ златыхъ
покровахъ.

Ходитъ утромъ, ходитъ ночью, ходитъ на разсвѣтѣ,
Вы довѣрьтесь полномочью, Духу вѣрьте, дѣти.

Въ тонкой сѣти мигъ побывши, выйдете изъ Моря,
Въ садъ предливный вы войдете, свѣтомъ свѣту вторя

Въ голубыхъ прудахъ садовыхъ, въ хрустальныхъ-озерахъ,
Поплывете, пробуждая по осокѣ шорохъ.

Въ хороводы ваши глянуть яблони въ расцвѣтѣ,
Вы не бойтесь, не оковны шелковыя сѣти.

Духъ Святой во грозномъ Морѣ далъ побыть вамъ
вволю,
Разъ беретъ васъ, золотую вновь Онъ дастъ вамъ
долю.

ТРУБАЧИ.

По горамъ, по горамъ,
Трубачи.

Чу! поютъ и кличутъ намъ.
Солнце встало, шлетъ лучи.

По лугамъ и по лѣсамъ,
По широкимъ небесамъ,

Словно раяные мечи,
Словно вытянулись въ бой,

По стремнинѣ голубой,
Исполинскіе мечи.

Надъ отшедшей тьмой слѣпой,
Съ золотой своей трубой

Встали, кличутъ трубачи,
Объщаютъ гулко намъ

Золотые дать ключи
Къ тѣмъ жемчужнымъ воротамъ,

За которыми прильнемъ,
Надъ рубиновымъ путемъ,

Мы къ невянущимъ цвѣтамъ.
Такъ вѣщаютъ трубачи,

По горамъ, по горамъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ.

Лѣсъ забыть. Лишь садъ предъ нами,
Онъ съ высокими стѣнами.
Годъ придетъ, и годъ уйдетъ,
За желѣзными вратами
Здѣсь мы тѣшимся цвѣтами,
Мы мудреными замками
Возбрали чуждымъ входъ.
Братья наши—вѣчно съ нами,
Сестры наши—здѣсь, предъ нами,
Пѣнны чаши за пирами,
Но чего-то сердце ждетъ.
Онъ за дальними морями,
Онъ, Единственный, не съ нами,
Онъ надъ бездной вѣчныхъ водъ.
Мы здѣсь нѣжимся струнами,
ь ходимъ подъ стѣнами,
Онъ надъ вѣчными волнами,
Онъ надъ пропастью идетъ.
Спорить съ вѣтромъ и съ громами,
Вихрь уводитъ въ вышній сводъ,
Громъ предъ нимъ надъ кораблями
Съ свитой молній не падетъ.
Мраку свѣтитъ онъ глазами,
Умъ овѣсть голосами
И взовьеть въ живой полетъ.

Тотъ, кто стонетъ, здѣсь онъ, въ храмѣ,
Буря спитъ за облаками,
Но чего-то сердце ждетъ.
Онъ, Единственный, не съ нами,
Онъ ушелъ за жемчугами,
Ходить моремъ, островами,
Опускаетъ въ бездну лотъ,
Шлетъ поклонъ намъ съ журавлями.
Ищетъ днями и ночами,
Онъ найдетъ,
Онъ придетъ.

ТОСКА ДАЛЕКИХЪ.

Я былъ далеко отъ своихъ,
И сильно они тосковали,
И слезы горячія ихъ
Мнѣ ноги мои обжигали.

Тѣ слезы, что пали изъ глазъ,
Земля приняла въ подземелья,
И вотъ, черезъ время и часть,
Возникли ихъ тайныя зелья.

Одинъ, проходя подъ Луной,
Я слышалъ—Земля говорила,
Со мной, вокругъ меня, подо мной
Дышала горячая сила.

Какъ будто по каплямъ смолы
Ступаль я—и шелъ изумленный,
И травы качались изъ мглы,
Всѣ стебли—съ росой посребренной.

И чуть я ко стеблю прильну,
Я вѣдаю, чьи это очи
Восприняли слезъ пелену,
И путь между нами короче.

И чуть я ступлю по Землѣ,
Кого-то люблю я сильнѣе,
Цветы расцвѣтаютъ во мглѣ,
Цветы раскрываются рдѣя.

И каждый душистый цвѣтокъ,
Луной предо мной осіянный,
Мнѣ съ именемъ шепчетъ намекъ,
И дышетъ, и дышетъ желанный.

ПРОРОКЪ.

Нашъ Пророкъ неложно святъ,
Райски трубы намъ трубятъ.
Прежде чѣмъ явить свой ликъ,
Къ Райскимъ водамъ онъ приникъ.
Прежде чѣмъ насъ въ садъ онъ ввелъ,
Всю Вселенную прошелъ.
Прежде чѣмъ намъ далъ цвѣтовъ,
Вникъ онъ въ книгу Родословъ.
Прежде чѣмъ сошелъ къ намъ съ кручи,
Слышалъ голосъ вышнихъ тучъ.
Былъ Илья онъ, былъ Энохъ,
Съ нимъ бесѣдовалъ самъ Богъ.
Былъ пресвѣтлый Иисусъ,
Больше молвить не рѣшусь.
Все ли надо возвѣщать?
На отрадахъ есть печать.
Все ли нужно возвѣщать?
Есть жемчужная печать.
Только молвлю, нашъ Пророкъ,
Какъ колодезь, онъ глубокъ.
На Седьмомъ онъ Небѣ былъ,
Тамъ испиль Небесныхъ силъ.
Грозной тучей возгремѣлъ,
Къ намъ сошелъ какъ голубъ бѣлъ.

Онъ при свѣтѣ ярыхъ свѣчъ
Зерна далъ, держалъ къ намъ рѣчь.
Онъ подъ звонъ земныхъ кадилъ
Сушій хлѣбъ для насъ взростилъ.
Далъ намъ медъ, и ввелъ насъ въ садъ,
Въ изумрудный Вертоградъ.
Въ садъ довелъ насъ изъ пустынь.
Всѣмъ цвѣтамъ поклонъ. Аминь.

ЛОВЦЫ.

Сотворилъ Господь пресвѣтлый Ангеловъ Себѣ,
Далъ имъ мощь, да будутъ звѣзды въ сказанной
борьбѣ.

Онъ низвелъ съ Небесъ высокихъ свѣточъ золотой,
Повелѣлъ, чтобы вселился въ тѣло духъ Святой.

Выбиралъ для рыбъ глубинныхъ—мудрыхъ Онъ лов-
цовъ,
Между рыбарей безбѣдныхъ—блѣдныхъ береговъ.

Между бѣдныхъ, но побѣдныхъ—и безбѣдныхъ тѣмъ,
Ибо кто собой владѣть, тотъ владѣть всѣмъ.

И недаромъ частый неводъ шелъ во всѣ концы,
Тѣхъ, кто любить, уловляли вѣщіе ловцы.

Уловивши рыбъ глубинныхъ, не сгубили ихъ,
Но спасли отъ паутинныхъ ковъ и козней злыхъ.

И съ улыбкой каждый рыбарь вѣялъ надъ водой,
Съ высоты Небесъ ниспавшей, вербой золотой.

ВОТЪ.

Вотъ они, живыя,
Мирныя отрады.
Свѣчи восковыя,
Алыя лампады.

Тихія иконы,
Тихій звонъ кадила,
Вѣрность обороны.
Было-ль то, что было?

Мы ли это, мы ли,
Въ ужасахъ незнаній.
Призраками были,
Криками терзаній?

Тѣ же ли мы сами,
Что безъ думъ о Богѣ,
Шли въ ночахъ лѣсами,
По глухой дорогѣ?

Тѣ же ли мы сами,
Что ножомъ играли,
А теперь-во храмѣ,
А теперь-въ хоралѣ?

Тихія моленья,
Тихій звонъ кадила,
Радость всепрошенья.
Было ль то, что было?

СЛАВА.

Слава святой,
Золотой,
И серебряной,
Мѣдно-желѣзной.
Скрѣпѣ, блюдушей надъ зыбкою бездной,—
Твердой—надъ шаткой водой,—
Твердо-алмазной,
Единосушной—надъ разной,
Многообразною смутой,—
Вѣчной—надъ быстрой минутой,—
Зрящей,
Тысячекою—
Надъ ночью глубокой,
Спящей,—
Животворящей,
И нераздѣльной,
Цѣльной какъ ликъ корабельный,
Который вовѣки вѣковъ,
Нынѣ и присно, всегда,
Надъ пропастью темныхъ валовъ,
Въ пустынь, гдѣ ропщетъ вода,
Въ кипящей рѣкѣ безпредѣльной,

Плыветъ, а надъ нимъ—Звѣзда.
Слава насъ крѣпко хранящей,
Троицѣ животворящей,
Быстро, какъ птица, насъ мчащей
Въ жемчужность садовъ изъ пустынь,
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

КРАСНОЕ КРЫЛЬЦО.

Поставь меня, Отецъ, на красное крыльцо.
Сіянемъ озари подъятое лицо,
Отецъ, я сохранилъ, мнѣ данное, кольцо.

Поставь меня, Отецъ, на красный свой крылецъ,
Отецъ, благослови смарагдовый вѣнецъ,
Я самъ его надѣлъ,—мнѣ можно такъ, Отецъ?

Я больше не уйду отъ краснаго крыльца,
Тебѣ начала нѣтъ, и нѣтъ тебѣ конца,
Отецъ, твой сынъ пришелъ, твой сынъ нашель Отца.

ИРМОСЬ.

Прошли мы сквозь Черное море,
Надъ Краснымъ взошли на утесъ,
И съ синимъ сіянемъ во взорѣ
Поемъ благодарный ирмосъ.

Въ расплавленныхъ безднахъ червонца,
Что нашихъ враговъ потопилъ,
Возникло багряное Солнце
Надъ влагой несчетныхъ могилъ.

Узоромъ лѣснымъ осѣненный,
Алѣтъ великій утесъ,
Цвѣты надъ пучиной бездонной
Господь благосклонно вознесъ.

Мольбой, ликованіемъ звона
Восхвалимъ всесильную Длань,
Затѣмъ что нашъ духъ, какъ Іона,
Не отданъ чудовищамъ въ дань.

Затѣмъ что мы всё не сгорѣли,
Хоть были въ палящей печи,
Затѣмъ что играютъ свирѣли,
И красные рдѣютъ лучи.

ТРИ ОКНА.

Въ Великомъ Домѣ три окна,
Трисвѣтна каждая стѣна,
Но та хоромина—одна.

Коль ты восхочешь словъ живыхъ,
Въ себѣ, въ сестрѣ, и въ Мирѣ—ихъ
Найди, и пой жемчужный стихъ.

Одно окно есть вышина,
Окно другое—глубина,
А третье—жизнь, а жизнь—Весна.

ЧЕТЫРЕ СТѢНЫ.

Четыре стѣны, и на каждой стѣнѣ
Здѣсь по три округлости видится мнѣ,
По три окна въ вышинѣ.

На Сѣверъ, Закатъ, на Востокъ, и на Югъ,
Все тотъ же, очерченный правильно, кругъ,
Троичность выгнутыхъ дугъ.

Вотъ бѣлыя льяности, дремлющей снѣгъ,
Утихнувшихъ водъ прекратившейся бѣгъ,
Радость безтрепетныхъ нѣгъ.

Вотъ маки кровавые, трижды жерло,
Желанье къ желанью, узывно-свѣтло,
Страстно такъ, красно, тепло.

Вотъ нѣжность, три круглыхъ жемчужныхъ щита,
Въ мерцаніяхъ дружныхъ вражда, красота,
Жаждаютъ и страждутъ уста.

Вотъ три изумруда, сияющій лугъ,
Три дуга и бѣлыя птицы вокругъ,
Югъ восклицаютъ, на Югъ.

ПЯТЬ СВѢЧЪ.

Дикирій и трикирій,
Пять свѣчъ—до смерти съ нами.
Пока мы бродимъ въ мірѣ,
Нашъ путь—съ пятыю свѣчами.

Конецъ, начало, Вѣчность,
О, троичность святая.
Начальная есть млечность,
И млечность—снѣжность Рая.

Съ одра встаетъ калѣка,
Ведеть его дорога
Отъ Богочеловѣка
До Человѣкобога.

Рипиды, опахала
Изъ перія павлина,
Хранять его начало,
Отецъ нашъ добръ для Сына.

И таинство пречистыхъ
Несчетныхъ Евхаристій
Отъ радугъ тѣхъ перистыхъ
Стократно золотистѣй.

Когда же Серафимы
Провѣютъ надъ дарами,
Въ молитвенные дымы
Восходимъ мы свѣчами.

И служить слухъ и зрѣнье,
Конецъ и Вѣчность съ нами,
Въ скончаньи—возрожденье,
Всѣ звѣзды за свѣчами.

ЖЕРТВЕННИКЪ.

Жертвенникъ. Чаша на немъ и звѣздица.
Свѣтъ, остріе копія.
Духомъ я вижу пресвѣтлыя лица,—
Край, и безкрайность моя.

Въ этомъ златомъ и узорномъ потирѣ
Кровь превратилась въ вино.
Свѣтъ копія не напрасенъ былъ въ мірѣ,
Таинство дней свершено.

Быль Виелеемъ. Золотая страница.
Кончилась—тамъ, на Крестѣ.
Въ мірѣ же свѣтитъ и свѣтитъ звѣздица,
Манитъ, дрожитъ въ высотѣ.

Вотъ, копіе просфору пронизало,
Жертвенникъ ждетъ въ алтарѣ.
Къ Солнцу—что было здѣсь бѣло и ало,
Въ вѣчной восходитъ зарѣ.

ХЛѢБЫ, ПШЕНИЦА, ВИНО, И ЕЛЕЙ.

Хлѣбы, пшеница, вино, и елей,
Вотъ они, тутъ.
Силы живыя Небесныхъ зыбей
Голубя свѣютъ,—толпы голубей
Къ дару земному
Лелѣино прильнуть,
Внемя, въ безгласности, тайному грому,
Молніямъ радуясь, и дождевому
Току, дающему намъ изумрудъ,
Зная и слыша, что Дальній—вотъ тутъ.

ЛИТУРГІЯ ВЪ ЛИТУРГІИ.

Свѣтильники, кадилаицы, моленія, и звонъ.
Цвѣты, и птиче пѣніе, трава и небосклонъ.

Дерева съ ароматами ихъ тайностей, ихъ сновъ,
Всѣ чувства съ ихъ возвратами въ разымчивость пировъ.

При яркомъ свѣтѣ солнечномъ—свѣтильникъ восковой,
При сладкомъ духѣ яблони-кадилаицы духъ живой.

При свѣтломъ дымѣ яблочномъ—кадилаицы синій дымъ,
Глядятъ на насъ Небесныя—и мы на нихъ глядимъ.

Поютъ въ вѣтвяхъ крылатыя—и тутъ толпы поютъ,
Уютно тамъ—въ вершинностяхъ, въ долинахъ здѣсь—
уютъ.

И свадьба ли свершается, молебень ли мечты,
Хвалебень гласъ молитвенный, хвалебны всѣ цвѣты.

ПЕРВЫЙ СПАСЪ.

Яблоки, орѣхи, медъ,
Это—первый Спасъ.
Сколько сладости течетъ,
Сколько свѣжихъ нѣжныхъ водъ,
Сколько ядеръ лѣсъ даетъ, —
Все для насъ

Яблонь бѣлая, въ цвѣту,
Усладила пчель.
Сколько пѣній налету,
Сколько блесковъ, не сочту,
Міръ весною въ Красоту
Весь вошелъ.

Если-жъ Осень подошла,
Конченъ путь Весны.
Радость первая свѣтла.
Лѣто—жарче. Страсть пришла.
Виденъ весь узоръ узла.
Дышутъ сны.

Зрѣть все. Осенній часть.
Яблокъ—плодь живой.
Прежде всѣхъ плѣнилъ онъ насъ,
Ядра съ нимъ—въ числѣ прикрасть,
Медъ. Какъ сладокъ первый Спасъ,
И второй.

ВО САДУ.

Во саду—саду зеленомъ
Изстари—богато.
Тамъ ключи журчатъ со звономъ,
Встанетъ все, что смято.
Яблонь бѣлая дышала,
Сердцу было больно.
Въ сердцѣ было: „Мало! Мало!“
Богъ сказалъ: „Довольно“.

Во саду—саду зеленомъ
Сердце мы сдержали.
Проходили мы по склонамъ,
И несли скрижали.
Сладки яблочки собирали,
Рянулись чудо.
Красны яблочки мы клали
На златое блюдо.

Во саду—саду зеленомъ
Блескъ мы громоздили.
Предъ сияющимъ амвономъ
Цвѣтъ былъ въ новой силѣ.
Наше Солнце было ало,
Къ Богу пѣло вольно:
„Вотъ возьми! Прости, что мало!“
Богъ шепнулъ: „Довольно“.

ВЪ ТЕРЕМѢ ВЫСОКОМЪ.

- Чтò тамъ въ теремѣ высокомъ непонятно говорятъ?
- Потаенно говорятъ тамъ, волю Божию творятъ.
- Чтò тамъ въ теремѣ высокомъ, бѣлы звѣзды иль цвѣты?
- Если любишь бѣлы звѣзды, такъ входи туда и ты.
- А коль я люблю не звѣзды, а цвѣточекъ голубой?
- Все есть въ теремѣ высокомъ, тамъ и сонъ вчерашній твой.
- Что же въ теремѣ высокомъ, что я буду говорить?
- Все узнаешь, знай лишь сердце волю Божию творить.

ОТЪ НЕБА КЪ НЕБУ.

Въ сонмахъ Восточныхъ
Дальнихъ Небесъ,
Въ мигахъ урочныхъ,
Въ звеньяхъ чудесъ,
Быль я, ходилъ я,
Меда вкусилъ я,
Свѣта испилъ я,
Снова исчезъ.

Но не на Землю
Вновь я ушелъ,
Вышему внемлю,
Быть мнѣ глаголь.
Есть безтѣлесны,
Выси чудесны,
Круги Небесны,
Въ нихъ я вошелъ.

Тамъ, безъ скончанья,
Свѣты для всѣхъ,
Нѣтъ намъ вѣнчанья,
Лишній тамъ смѣхъ.
Смѣхъ—наше зелье,
Въ немъ есть похмѣлье,
Тамъ же веселье
Вѣчныхъ утѣхъ.

Въ тихой и связной
Сказкѣ побывъ,
Внявъ, что алмазный
Путь есть красивъ,
Сталь я звѣздой,
Паль надъ водою,
Мысль съ молодою
Кровію сливъ.

Въ темныя ночи,
Въ тайность вступилъ,
Вызвѣздилъ очи
Вѣняемъ силъ.
Вновь на Землѣ я,
Радуюсь, млѣя,
На Кораблѣ я
Буду, какъ былъ.

ЗАКЛЯТИЕ.

Ни отцу, ни матери, ни племени, ни роду
Тайное души своей ты не предавай.
Кто не сопричислился духомъ къ Хороводу,
Пусть въ своемъ скитается. Вольныхъ не замай.

Разному нѣтъ слитія. Да будетъ. Обѣщаюсь.
Если не повѣдаю, что внутренно, во внѣ,
Всей Землей отринутый, нигдѣ да не вмѣщаюсь,
Солнцемъ опрокинутый, да таю на огнѣ.

ВЪ ЧЕРТОГѢ.

Долго, днями и ночами,
По таинственной дорогѣ,
Многосложными путями
Я въ святомъ блуждалъ Чертогѣ.
Въ зиму, днями и ночами,
Проходя законы строги,
Я съ духовными свѣчами
Былъ во внутреннемъ Чертогѣ.
Въ лѣто, днями и ночами,
Возлюбивъ расцвѣты многи,
Я закрытыми очами
Всѣ богатства зрѣлъ въ Чертогѣ.

И теперь я не въ гаданьи
Зрю, но въ самомъ откровеньи,
Я въ негаснувшемъ сяньи,
Въ безконечномъ восхожденьи.
И теперь я не въ гаданьи
О мірскомъ предназначеньи,
Я въ великомъ ожиданьи,
Въ вѣчно-новомъ восхожденьи.
И гадая—не въ гаданьи—
Я угадываю въ пѣньи,
Во вселенскимъ я сяньи,
Во всемірномъ восхожденьи.

СЕРЕБРЯННЫЙ ТЕРЕМЪ,

Теперь, как постигъ я тончайшую мудрость всего,
Хочу я пожить на Землѣ осторожно,
Чтобъ могъ я во всемъ озвѣдать Вещество,
Отъ зла уклоняясь—какъ только возможно,
И выше сего,
Лишь то противъ воли своей принимая,
Что воля означаетъ: «Сіе—непреложно».
И волю дыханьемъ духовнаго Мая
Настолько цвѣтя,
Настолько ея существо умножая,
Чтобъ даже сама,
Для насъ непреложная, Вѣдьма-Зима,
Блестя,
Царицей-Зимой содѣлалась намъ,
Просвѣтленной,
Въ мятели-свирѣли, и зовъ по струнамъ,
Серебрянный теремъ заснувшимъ цвѣтамъ,
Съ густой бахромой оснѣженной,
И будто бы смерть на минутку—а тамъ,
За часомъ, надъ часомъ, высокій, бездонный,
Идущій въ начальность, звѣздящійся Храмъ.

СТИХЪ ВЕЧЕРНІЙ.

На зарѣ, зарѣ вечерней,
Полнопѣвнѣй, равномернѣй,
Золота труба трубила,
Говорила для своихъ,
И дрожала въ сердцѣ сила,
Многострунный рѣялъ стихъ.

Въ Небѣ хлопья свѣтлыхъ дымовъ,
Словно крылья Херувимовъ,
Рассвѣчались озаренно,
Обнимали небосклонъ,
И качался повторенно
Въ тихихъ вѣтрахъ долгій звонъ.

Послѣ утра золотого
Пламень дня расплавленъ снова,
И въ небесномъ вышнемъ храмѣ
Засвѣтились зеркала,
Въ золотой широкой рамѣ
Тишь вечерняя свѣтла.

ИКОНОСТАСЬ.

На моемъ иконостасѣ—Солнце, Звѣзды, и Луна,
Колось, цвѣтъ въ расцвѣтномъ часѣ, и красивая Жена,
Облеченная въ свѣтила, въ сочтаньи ихъ такомъ,
Какъ когда-то въ мѣрѣ было въ ночь предъ первымъ
нашимъ днемъ.

А еще въ плодахъ дерева красятъ мой иконостасъ,
Ширь пустынь, ключи, кочевья, звѣздосвѣтность ждущихъ глазъ,
Несмолкающая птица, блескъ негаснувшихъ огней,
И пресвѣтлая Дѣвица, лучъ послѣднихъ нашихъ дней.

ПРОТИВОГЛАСНИКИ.

Эти звоны, антифоны, въ царствіи Твоемъ,
То на правомъ, то на лѣвомъ клиросѣ поемъ.

Клирось—крылось, по-простому назовемъ его,
Туть—обилье, это—крылья духа Твоего.

Два ихъ, два ихъ, влѣво, вправо, царственный полетъ,
Въ насъ—Твоя святая слава, голосъ Твой поетъ.

Раннимъ утромъ духъ восходить въ высь по степенямъ,
Вправо, влѣво, ходить, бродить, водить путь по
днямъ.

То налѣво, полный гнѣва, рляный отъ страстей,
То направо, нелукаво ищетъ чти Твоей.

Всходы лѣстницъ, въ той дорогѣ, разные всегда,
То обрывны, то отлоги, всходить череда.

Все же всходить, путь находить череда молитвъ.
Въ двоегласи, въ двочасьи битвъ, смертей, ловитвъ.

И отъ юности насъ борють страсти, тьма—ихъ счетъ,
Но во всѣхъ—Твоя есть воля, голосъ Твой поетъ.

Мы—уклоны, мы—амвоны, все, что хочешь Ты,
Въ безднахъ бродимъ, но восходимъ—къ безднамъ
Высоты.

СВѢТЕ ТИХІЙ.

Свѣте тихій пречистыя славы негасимыхъ сіяній, Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, Свѣте тихій, сіяй
безъ конца.
Мы пришли до закатнаго Солнца, свѣтъ вечерній
увидѣли мы,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, надъ великимъ
разлитіемъ тьмы.
Свѣтъ вечерній увидѣвъ, поемъ мы—Мать и Сына и
Духа-Отца,
Свѣте тихій, ты жизнь даровалъ намъ, Свѣте тихій,
сіяй безъ конца.
Ты во всѣ времена есть достоинъ въ преподобныхъ
хваленіяхъ быть,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, научи насъ въ
сіяньяхъ любить.
Свѣте тихій, весь міръ тебя славить, ты, сіяя, нисхо-
дишь въ псалмы,
Ты спокойная радуга міра, надъ великимъ разлитіемъ
тьмы.
Свѣте тихій, закатное Солнце, свѣтъ вечерній днев-
ного Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ черезъ ночи, Свѣте тихій, сіяй
безъ конца.

ПАНАГІЯ.

О, Марія, ты—Стихія,
Ты—волна съ вѣнцомъ изъ пѣны!
Ты—сіянья золотыя,
Что въ Эдемѣ красятъ стѣны!
Согрѣвая, ты—живая,
Какъ просторъ Небесъ окружный!
Ты—молитва голубая,
Ликъ съ оправою жемчужной!
Ночью темной, водосмной,
Изливающей планеты,
Ты есть пламень незаемный,
Намъ взаимы дающий свѣты!
Ночью темной, водосмной,
Изливающей созвѣздыя,
Ты—часовни миръ укромный,
Путь прошенья въ тьмѣ возмездья!
О, Марія, въ зими злая
Радость Мая голубая!
Сердцу міра—сны златыя,
Панагія, Всесвятая!

КЪ ДѢВѢ МАРИИ.

Дѣва Марія,
Море-Стихія,
Чистая совѣсть—душа.
Будешь ли съ нами?
Будь съ голубями,
Ты какъ разсвѣтъ хороша.

Съ огненной хотю,
Съ Мареою—плотью
Много намъ было хлопотъ.
Дѣва Марія,
Въ областяхъ Змія,
Свѣтишь ты въ пропасти водъ.

Мареу не кинемъ,
Мы не остынемъ,
Ряность мы любимъ всегда.
Дѣвѣ Маріи
То не впервые,
Знаешь, горить какъ Звѣзда.

Свѣтитъ съ зарею,
Съ жаркой сестрою.
Вѣкъ нераздѣльна она.
Дня ожидаетъ,
Видитъ, и таетъ,
Будеть—какъ будетъ нужна.

Днемъ истомимся,
Днемъ запалимся,
Вечеръ насъ будетъ пугать.
Тутъ-то насъ встрѣтитъ,
Тутъ насъ привѣтитъ
Нѣжная юная Мать

Будетъ лелѣять,
Будетъ намъ вѣять
Сномъ надъ глубокой водою.
Пристанью станетъ,
Жемчугомъ глянетъ,
Яркой Вечерней Звѣздой.

Матерь и Дѣва,
Въ вихрѣхъ напѣва
Мы погружаемся въ Ночь.
Дѣва Марія,
Море-Стихія,
Тихаго, Вѣчнаго Дочь.

МАРѢА И МАРІА.

— Марія, Марія,
Ты нравишься больше Ему.
Очи твои—голубыя,
А мои—затаили тьму.
Волны волосъ у тебя золотыя,
А пряди мои словно черныя змѣи сошли
До самой земли,
Какъ черныя змѣи,
Не подниму.
Марія, Марія, бѣлѣе ты водной лилеи,
Ты какъ серпъ новолунній свѣтла,
У меня въ волосахъ, въ ихъ раскидистомъ мракѣ,
Лишь сонные,
Словно углемъ всегда озаренные,
Красные маки,
И я смугла.
Марія, Марія, итти ли мнѣ нынѣ въ пустыни,
Вгляни въ мое сердце, увидишь, какъ я терплю.
Сестра, ты прозрачна, ты ближе къ небесной святинѣ,
Но вѣдь я же Его люблю.
— О, МарѢа, сестра моя, черный алмазь драгоценный,
Не плачь и не жалуйся, пышный факель ночной,
Ты пылающій пламень надъ зыбью морей переминой,
Ты костеръ въ непроглядной ночи,
Ты бросаешь въ тревогу ночную лучи,
Въ тотъ таинственный часъ, какъ надъ влагою пѣнной

Со лнце уснуло съ Луной.
Ты смотришь сейчасъ,
Какъ будто не вѣря,
Хоть вѣрить желая.
Сіяй всею силою, черный алмазь,
Не будь тебя въ мірѣ, была бы чрезмѣрна потеря.
Сестра молодая,
Ты любишь, ты знаешь, люблю ли, и любить Онъ
насъ,

Но обѣ мы свѣтимъ, о вѣрь мнѣ, не зная,
Кто больше желаненъ Ему.
Сестра дорогая, къ чему
Намъ знать это? Лишь бы, Пресвѣтлый, любилъ Онъ
И нами, и нами обрадованъ былъ Онъ,
И можетъ быть, любить Онъ насъ—наравнѣ.
Сестра, ты дрожишь, ты прижалась ко мнѣ,
Ты сіяешь въ мои голубые глаза.
Что коврами узорными,—
Какъ гроза,—
Ты своими изсиня-черными
Всю покрыла меня волосами.
Сестра, ты дрожишь, какъ лоза,
Прерывисто дышешь.
Ты слышишь?
Онъ съ нами!

ВЪ ПОЛЯХЪ ГОЛУБЫХЪ.

Ходила Дѣва по чистому полю,
Не въ зеленыхъ поляхъ, въ голубыхъ.
Гуляла въ поляхъ, нагулялася вволю,
И запѣла пѣвучій стихъ.
И запѣла, и были глубоки намеки,
Что сложились въ тѣ звѣздныя строки.
А навстрѣчу идетъ къ ней Христовъ пророкъ,
Привлеченъ осіянностью строкъ.
„Что ходишь ты, Дѣва, по чистому полю?
О чемъ ты поешь свой стихъ?“
„—Я сына ищу, и завѣтную долю.
Гдѣ Сынъ?“ — „Здѣсь, въ поляхъ голубыхъ.
Ты дальше иди, о, поющая Дѣва,
Три древа увидишь, три древа.
И древо одно—кипарисовое,
Другое же древо—анисовое,
А третье еще—барбарисовое.
Изъ трехъ этихъ дрѣвъ есть построенный храмъ,
Три птицы поютъ пѣсни райскія тамъ,
„Аллилуйя!“ поютъ, „Аллилуйя!“ поютъ.
Сынъ сидитъ въ высотѣ. Травы нѣжно цвѣтутъ.
Голубыя онѣ,
Словно море кругомъ.
Сынъ сидитъ на престолѣ своемъ золотомъ,
Золотые и синіе всюду огни.

Ночи въ черныхъ одеждахъ къ престолу идутъ.
И подходятъ румяные дни.
И цвѣты, наклоняся, цвѣтутъ.
Словно синее Море кругомъ.
Онъ насъ ждетъ осіянный“. — „Идемъ!“

ДѢВА.

Дѣва днесъ высочайшаго,—
Изъ колодца воды зачерпнувъ, изъ колодца міровъ
глубочайшаго,—

Намъ рождаетъ,—Его,
Въ безднѣ безднѣ—одного.
Намъ нельзя безъ кого,
Возлюбившаго насъ, и сладчайшаго.

„Дѣва, Дѣва“, поеть вышина,
Не Жена,

„Дѣва, Дѣва“, отвѣтствуя, кличетъ вертепъ,
И вскрывается ледъ, содрогается склепъ,
„Дѣва, Дѣва“, Весна надъ пустыней снѣговъ,

Знамєня шествуютъ,
Ангелы пѣсню поють межъ скудныхъ благихъ пасту-
ховъ,

Волхвы со Звѣздой путешествуютъ,
Несутъ умашєня въ ларцахъ,
Изъ нихъ благовонный вздохъ,
Сіяетъ Звѣзда въ Небесахъ,
Ничего намъ больше не надо,
Родися намъ дитяtko млада,
Родися превѣчный Богъ.

БОЖІИ ДРУЖОКЪ.

— Богу милос дитя,
Что живеть, звѣздой блестя,
Богу миленькій дружокъ,
Онъ куда всегда бѣжитъ?
За моря, или въ лѣсокъ?
— Нѣтъ, во ясляхъ онъ лежитъ.
И хотъ міръ прошелъ онъ весь,
Онъ смѣется съ нами здѣсь.
— Но куда жъ сейчасъ ушелъ?
И куда же онъ забрелъ?
— Онъ въ вертепы заходилъ,
Тамъ рождался звонъ кадилъ.
Глянетъ въ нищенскій онъ домъ.
Домъ горитъ златымъ огнемъ.
Онъ къ разбойникамъ зайдетъ,
Ангелъ въ сердцѣ зломъ поетъ.
И хотъ міръ прошелъ онъ весь,
Вотъ онъ въ сердцѣ, вотъ онъ здѣсь.

КРЕЩЕНИЕ.

Мы крестились Христомъ,
Мы крестились крестомъ,
Обвитымъ звѣздами, цвѣтами.
Мы крестились Водой,
Навсегда молодой,
Мы крестились Огнемъ,
Часомъ ночи и днемъ,
Мы за солнцемъ идемъ,
И звѣздами.

Мы въ Христа облеклись,
Мы какъ свѣчи зажглись,
Въ Пасхальномъ сіяющемъ храмѣ.
Мы возникли какъ звонъ
Въ аллилуйѣ временъ,
Серафимы—въ одномъ,
Херувимы—въ другомъ,
Мы съ Христомъ, онъ во всемъ,
Со звѣздами.

ПРОСТИ.

Прости меня, Небо съ Землею, и Солнце, и Мѣсяцъ
и Звѣзды,
Простите вы, горы и доли, озера, лѣса, и поля,
Воздушныя птицы, простите, коль ваши увидѣлъ я
гнѣзды.
Простите, травинки, бродилъ я, былинки ногой
шевели.

Простите вы, звѣри лѣсные, что васъ я тревожилъ по
чашѣ,
Простите вы, рыбы, что васъ я, рѣкой проплывая, пу-
галь,
Мы были когда-то всѣ вмѣстѣ, а въ этотъ нашъ мигъ
настоящій
Разъяты мы розноу, какъ страны—подъятемъ запутан-
ныхъ скаль.

Простите меня, цвѣтокрылки, которыхъ зовуть мо-
тыльками,
Я васъ отъ цвѣтовъ отгоняю—невольню, когда про-
хожу,
Я братъ вамъ, не будьте врагами, мы вызваны тѣми жъ
лучами,
На ту же —мнѣ зримо—на ту же, великую въ Мирѣ
межу.

ИЗЪ ЛѢСА ВЪ САДЪ.

Какъ изъ Лѣса въ Садъ
Черезъ тьму идешь,
Тамъ слѣды горять.
Гдѣ дорога въ Садъ?
Въ чашѣ—острый взглядъ,
Словно свѣтлый ножъ.

Много тамъ слѣдовъ,
Гдѣ вѣка прошли,
Много тамъ цвѣтовъ,
Много тамъ плодовъ,
Пирь всегда готовъ.
Гдѣ онъ, Садъ? Вдали!

Выявляетъ Лѣсъ
Много дивъ своихъ.
Межъ густыхъ завѣсъ
Не видать Небесъ,
Но и здѣсь воскресъ
Тоже звучный стихъ.

Вѣковѣчный кругъ,
Онъ и здѣсь воскресъ.
Сѣверъ есть и Югъ,
И Востокъ, и другъ,
И зеленый лугъ
Для живыхъ тѣлесъ.

Возлежи, пируй,
Всѣхъ цвѣтовъ не счесть,
Ты цвѣтокъ, ликуй,
Нѣженъ лепеть струй,
О, цѣлуй, цѣлуй,
Если губы есть!

А когда къ устамъ
Красный лнеть Закатъ,
По золатымъ слѣдамъ,
Мы къ инымъ цвѣтамъ,
Мы къ плодамъ—звѣздамъ
Удалимся въ Садъ.

ДУХЪ НАШЪ.

— Духъ нашъ, скажи! Духъ нашъ, пророчи!
Отчего мы въ зарѣ и однако въ печали?
— Ибо въ темную ночь
Свѣтъ Христовъ вы проспали.
Кто проспалъ, тѣмъ на дню невозможно помочь.

— Духъ, помоги! Духъ, измѣни!
Опрокинуть не можемъ ли часъ нашъ и время?
— Будутъ новые дни,
Сѣйте свѣтлос сѣмя,
Стебель въ новые дни, возростивъ, наклони.

— Духъ, мы хотимъ! Духъ, преклонись!
Мы глядимъ, мы не спимъ, не уснемъ, помоги намъ!
— Обойми кипарисъ.
Спи. Но, чуть по долинамъ
Брызнуть росы, проснись, и молись, и молись.

ПРОЩАНИЕ.

Ты прости-прошай, тѣло бѣлос,
Тѣло бѣлос, ликъ земной.
Ты лежишь теперь, онѣмѣлое,
Онѣмѣлое подъ Луной.

Я жила въ тебѣ, тебя нѣжила,
Въ тебѣ нѣжила сонъ вѣнца.
Но меня всегда ты мятежило,
Ты мятежило безъ конца.

А теперь пора разставаться намъ,
Разставаться намъ— такъ всегда.
Нужно въ Небо мнѣ, вновь скитаться тамъ,
Вновь скитаться тамъ, какъ звѣзда.

Я отдамъ тебя на съѣденіе,
На съѣденіе злымъ червямъ.
Все же бывшее единеніе,
Единеніе радость намъ.

Ты служило мнѣ зыбкой лѣстницей,
Зыбкой лѣстницей къ вышинѣ.
Я была тебѣ свѣтлой вѣстницей,
Свѣтлой вѣстницей въ нѣжномъ снѣ.

И когда опять въ мірѣ встрѣтимся,
Въ мірѣ встрѣтимся въ должный часъ,
Другъ въ другѣ мы въ мигъ отмѣтимся,
Вмигъ отмѣтимся блескомъ глазъ.

Но хотя вдвойнѣ возрожденіе,
Возрожденіе приметъ свѣтъ,
Для минувшаго—возвращенія,
Возвращенія больше нѣтъ.

И любя любовь, и любя тебя,
И любя тебя вдвое вновь,
Будемъ счастливы, о быломъ скорбя,
О быломъ скорбя сквозь любовь.

ДУХОВНЫИ САДЪ.

Темный и свѣтлый духовный нашъ Садъ,
Солнце зашло, но не гаснетъ закатъ,
Красныя вишни, золотой виноградъ.

Ягодки словно цвѣты-барбарисъ,
Въ яблокахъ ясно румянцы заглясь,
Темный, какъ теремъ ночной, кипарисъ.

Нѣжно обнявшись съ послѣднимъ лучомъ,
Лилія дремлетъ и грезить. О чемъ?
Ужь не отпустить тотъ лучъ, нипочемъ.

Въ чашу вбирая, но тѣмъ не губя,
Просуществляя, вдыхая, любя,
Бѣлая, приметъ златистость въ себя.

Скоро ночная сойдетъ тишина,
Лилія будетъ блѣдна, но видна,
Въ свѣты одѣта, и тайной сильна.

КАЖДЫЙ ЕСТЬ ЦЕРКОВЬ.

Каждый есть церковь, и въ каждомъ есть звоны,
Въ каждомъ высоко восходить амвоны.
Только когда
Онъ это забудетъ,
Свѣта забудетъ,
Сердце воскликнетъ, что сумракъ хорошъ,
Свѣта забудетъ,
И гаснетъ звѣзда.

Что-жь,
Сумракъ красивъ,
Захватистъ и весело-пѣнистъ разливъ,
Поляя ширью владѣетъ вода.
Сумракъ хорошъ,
Можно ль уму возбранить
Выткать—какую понравится—нить?
Вольной быть хочеть душа,
Своевольная тьма хороша.
Если Вода затопила угодыя,
Это весна,
Пиръ полноводья.
Поляя влага однако мутна,
Поляя воды—стоячя,
До предѣла всей мощи дошли.
Вспыхните, помыслы зрячіе.
Пусть забудется въ должныхъ предѣлахъ волна.

О, внемли,
Своевольница, мысль человѣческая,
Звѣздныя зерна рассыпала въ сумракъ, тамъ вонъ,
вдали,

Чья-то рука,
Пахаря длань и отеческая,
Звѣздную стелють дорогу вѣка,
Звѣздныя росы,
Храмы встаютъ, озаряя откосы,
Звѣздныя капли въ качаньяхъ морей,
Звѣздныя души, къ молитвѣ идите, звѣздныя души.
скорѣе, скорѣй.

ЧЕТЫРЕ ЗНАКА.

Поюще,
Вопіюще,
Взывающе,
Глаголюще.

Орломъ седымъ поюще,
Тельцомъ вопіюще,
Могучимъ львомъ вызывающе,
Какъ человѣкъ глаголюще.

Четыре знака намъ,
Мирволющихъ страстямъ,
Ликъ четырехъ путей,
Въ различности страстей.

Орлиное пѣнье, орлиныя крылья,
Мычанье и кротость тельца,
Львиный прыжокъ, все мое—безъ усилія,
И голосъ, глаголанье, гуль безъ конца.

Куда ты захочешь, смотри.
И все, что восхочешь, бери,
Ты думалъ, путей только три,
Ихъ въ мірѣ безбрежномъ четыре,

Ты—въ Мірѣ,
Мірское—бери.

Я беру себѣ крылья орлиныя,
Хоть люблю я уютный хозяйственный миръ,
Я беру себѣ шири пустынные, львиныя,
И стозвонное пѣнье лиръ.

Четверично—различно—стократно—единое.

Проходя по воздушнымъ путямъ,
Я увидѣлъ безмѣрную долю,
Отъ страстей черезъ страсти къ страстямъ и
страстямъ

Улетаю, какъ всѣ—имъ мирволю,
Но, когда я начну говорить, я глаголю,
И когда я пою, возвѣщаю я волю,
Что въ великомъ кипѣнии страстей,
Черезъ которое должно пройти,
Чтобъ узнать о единомъ пути,
О пути—отъ путей,
Въ голубой небосводъ,
Гдѣ душа изберетъ изъ различности всей
Лишь просторъ—и полетъ.

ХЕРУВИМСКАЯ.

Выше, ниже, Херувимы, образующіе тайно
Свѣтъ и крылья, свѣтъ и дымы, ликъ возникшій не-
случайно,
Жизнь творящей, нисходящей, восходящей ввысь ог-
немъ,
Трисвятую, Трисвятѣйшей, трисвятую пѣснь поемъ.
Да Царя, чей голосъ—громы въ вихряхъ огненнаго
дыма,
Чье величіе—на копьяхъ свитой Ангельской носимо,
Мы подыдемъ, свѣта примемъ тріединого Лица,
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя безъ конца.

НА ДОНУ.

Это было на Дону, на Дону,
Вотъ ужъ третью я весну не усну.
И къ чему жъ я буду спать, буду спать?
Сирота нашелъ Отца, встрѣтилъ Мать.
Тамъ на тихомъ на Дону—Царскій Домъ,
Я пришелъ въ пути своемъ въ Царскій Домъ.
А при Домѣ этомъ садъ, нѣжный садъ,
И горитъ, да не сгоритъ, тамъ закатъ.
И горитъ, который годъ, тамъ восходъ,
Хоть считай, хоть не считай, спутанъ счетъ.
И, какъ тайна, по древамъ свѣтитъ Храмъ,
Всѣ листы—цвѣты, какъ свѣчи, свѣтятъ тамъ.
И со всѣхъ тамъ сторонъ слышенъ звонъ,
Изъ какихъ колоколецъ лется онъ?
Изъ золотыхъ колоколецъ, иль сердечъ?
Гдѣ начало этой пѣсни, гдѣ конецъ?
И отъ птицъ исходитъ гласъ, столь пѣвучъ,
Что во церкви тамъ пробилъ быстрый ключъ.
Ключъ запѣлъ, закипѣлъ, побѣжалъ,
Въ синемъ Морѣ, на просторѣ, пѣнный валъ.
Я глядѣлъ, поглядѣлъ, сталь я бѣлъ,
Я съ ключомъ надъ цвѣткомъ звонко пѣлъ.
Чудеса. Небеса—мой Отецъ,
Мать—Земля—моя Мать наконецъ.

У Отца—два вѣнча на челѣ,
Златъ вѣнецъ, бѣлъ вѣнецъ, свѣтъ во мглѣ.
Мать мою онъ въ смарагды одѣлъ.
Я пою. Или вѣчно я пѣлъ?

МОЯ ГОЛОВУШКА.

Ты пропой, моя головушка, соловушкомъ въ саду,
Ты воспой, моя головушка, Вечернюю Звѣзду.

Ты пропой, моя головушка, о всѣхъ качеляхъ дней,
Ты воспой, моя головушка, качанье въ глубь ночей.

Ты пропой, моя головушка, про Каму про рѣку,
Ты воспой всѣхъ красныхъ дѣвушекъ, ночную ихъ
тоску.

Ты пропой, моя головушка, про рѣку про Курень,
Ты воспой всѣхъ добрыхъ молодцевъ, уведшихъ ночи
въ день.

Ты пропой, моя головушка, о вербѣ золотой,
Ты воспой ея цвѣтеніе надъ вешнею водой.

Ты пропой, моя головушка, что Море хочетъ рѣкъ,
Ты воспой, моя головушка, какъ святъ есть Человѣкъ.

КО ПРЕСТОЛУ КРАСОТЫ.

У Престола Красоты
Все лазоревы цвѣты,
А еще есть бѣлы,
А еще есть бѣлы.

Тайно въ сердце поглядимъ,
Тамъ мы путь опредѣлимъ
Въ вышніе предѣлы,
Въ вышніе предѣлы.

Ко Престолу Красоты,
До высокой высоты,
Я дойду, и ты, и ты
Братья, будемъ смѣлы,
Братья, будемъ смѣлы.

Въ каждомъ сердцѣ—тайный храмъ,
Тамъ иди по ступенямъ
Въ сумраки безбрежны,
Въ сумраки безбрежны.

Темны горницы пройдешь,
Свѣтлы горницы найдешь,
Свѣтлы, безмятежны,
Свѣтлы, безмятежны.

Ввысь, по лѣстницамъ крутымъ,
Все впередъ, неукротимъ,
Лучъ увидишь, ты за нимъ,
Сестры, будемъ нѣжны,
Сестры, будемъ нѣжны.

Тотъ, кто первый кончитъ путь,
Можетъ руку протянуть
Въ вышніе предѣлы,
Въ вышніе предѣлы.

А за нимъ, рука съ рукой,
Въ высь взойдетъ еще другой,
Братъ съ сестрою бѣлой,
Братъ съ сестрою бѣлой.

Вмѣстѣ всѣ, и я, и ты,
Ко Престолу Красоты,
Какъ на яблонѣ цвѣты,
Души, будьте смѣлы,
Души, будьте смѣлы.

ЭТО БУДЕТЬ.

Это будеть—по веснѣ.
Самъ Пророкъ повѣдалъ мнѣ.
Это явится—въ тотъ годъ,
Какъ въ высотахъ заувѣтетъ,
Сонъ всемірный, Цвѣтъ-Гора,
Что изъ злата, серебра,
И вселенскаго Огня.
Это будеть—для меня,
Для тебя, и для другихъ,
Для своихъ, и для чужихъ,
И для каждаго, для всѣхъ,
Онъ исчезнетъ, темный грѣхъ.
Отойдетъ, какъ черный дымъ.
Потечетъ Рѣка-Сладимъ,
Повлатится Вгай-Рѣка,
Приметъ въ воды всѣ вѣка,
Укрѣпится Шатъ-Рѣка,
Широка и глубока,
А по водамъ Тѣнь-Рѣки
Заиграютъ огоньки,
А по вскипамъ Тѣнь-Рѣки
Засверкаютъ свѣтляки.
Во Вселенной, въ пѣньи струй,
Все-то будетъ поцѣлуй.

Это будетъ. Свѣтлый смѣхъ,
Разъ во мнѣ, онъ есть во всѣхъ,
Есть ли тѣма, коль я горю?
Это будетъ, говорю.

СТРУНЫ.

— Кто сказалъ въ началѣ?

Сколько словъ? О чемъ?

— Въ роковомъ началѣ

Струны заиграли

Въ Небѣ золотомъ.

— Сколько капель въ валѣ,

Пѣнистомъ, морскомъ?

— Струны колдовали,

Капель не считали

Въ Небѣ голубомъ.

— Та ли жизнь въ печали,

Какъ въ огнѣ живомъ?

— Струны прозвучали,

Пѣсней все вѣнчали

Въ Небѣ огневомъ.

— Будетъ ли въ опалѣ

Кто въ концѣ святомъ?

— Свѣтъ конца—въ началѣ

Струны вѣще знали

Въ Небѣ золотомъ.

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫЯ.

Ризы нетлѣнныя,

Вѣнцы семигранныя,

И друзья неизмѣнныя,

И слова необманныя.

И для вольныхъ полей

Много пышныхъ стеблей.

И въ лугахъ табуны

Богатырскихъ коней.

И Луна съ вышины

Съ свитой солнечныхъ дней.

И дрожанье струнъ

Все нѣжныя и нѣжныя.

И когда, день за днемъ,

Завершается годъ,

Серпъ звенитъ за серпомъ,

Жатвы хочетъ, поетъ.

Новый стебель растетъ,

Новый колось горитъ.

Умножается счетъ,

Изумрудъ, маргаритъ.

Бриллианты растутъ,

Ночи бархатъ плетуть.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

- Здравствуй, братецъ. Ты былъ въ
Лѣсѣ?
— Братецъ, здравствуй. Гдѣ онъ,
Лѣсъ!
Весь пройденъ.—Христосъ Воскресе!
— Братъ, воистину воскресъ.

СВѢТЛИЦА.

Во полѣ чистомъ,
Цвѣткомъ снѣжистымъ,
Стояла свѣтлица,
Въ свѣтлицѣ Дѣвица.
Свѣтлѣй червоша,
Бѣлѣе снѣга,
Краснѣе Солнца,
Желаннѣй берега.
Виднѣе свѣта,
Виднѣе зорь,
Въ лучи одѣта,
Съ лучомъ не споръ.

Во чистомъ полѣ,
На вольной волѣ,
Сіяетъ свѣтлица,
Межъ дѣвъ тамъ Дѣвица.
Ихъ убираетъ:
„Свѣтитесь, дѣвицы!“
И къ нимъ взываетъ:
„О, голубицы!
Не озирайтесь
На сны пустынь.
А простирайтесь
Впередъ. Аминь!“

ВЕРТОГРАДЬ.

Тотъ, кто вступить въ Вертоградъ,
Кровью сердца купить садъ,
Будеть лишь о томъ жалѣть,
Что за этотъ ароматъ
Мало онъ понесъ утратъ,
Что терзаться былъ бы радъ,
А была воздушна сѣть,
Что за этотъ пышный садъ,
Желтый, красный виноградъ,
Синій, черный виноградъ,
Что за этотъ свѣжій садъ
Весь не можетъ онъ сгорѣть,
Жить и вмѣстѣ умереть.

ВИНОГРАДАРЬ.

— Отчего подъ солнцемъ—разный
Виноградъ?
Ты скажи мнѣ рѣчью связной,
Я послушать буду радъ.
— Я скажу тебѣ: зеленый
Оттого, что зеленъ садъ,
Оттого, что далъ законы
Намъ Зеленый Вертоградъ.
Изумрудно-золотистый
Оттого, что въ Небесахъ
Свѣтитъ Солнце въ день огнистый,
Мѣсяцъ златъ горитъ въ ночахъ.
Виноградъ бываетъ красный
Оттого, что въ сердцѣ кровь
Въ храмъ тѣлесный, въ храмъ атласный
Вводитъ къ празднику любовь
Виноградъ бываетъ синій
Оттого, что пламень синь
Надъ небесною пустыней,
Въ ночь какъ громъ поетъ «Аминь».
Виноградъ бываетъ черный
Оттого, что Ночь черна,
Хоть бросаетъ въ садъ узорный
Зерна звѣздная она.
Виноградъ бываетъ бѣлый
Оттого, что бѣлы мы,
Хоть бѣлѣй мы въ побѣлѣлый
Праздникъ пляшущей Зимы.

НЕ ЗАБЫВАЙ.

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Мы всё тамъ были, и будемъ вновь,
Гласить Любовь.
Престолы Неба, сады планидъ—
Для всѣхъ, кто зрять.
Несчетны Солнца, жемчужность Лунъ --
Для всѣхъ, кто юнъ.

А здѣсь, покуда свершаемъ чудо
Любви къ любви.
Мы вѣчно юны, какъ звонки струны,
Мой зовъ лови.

Я здѣсь сияю призывомъ къ Маю,
Миръ вброшу въ звонъ.
О, свѣточъ Рая, ты, молодая,
Ты, сонъ времянь.

Я Вѣчность—съ днями, пожаръ—съ огнями,
Въ ночи—набать.
Я теремъ новый, утокъ основы,
Я быстрый взглядъ.

Я—здѣсь, съ горами, съ колоколами,
Съ игрой зарницъ.
Я крикъ чудесныхъ и благовѣстныхъ
Весеннихъ птицъ.

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Когда ты счастливъ, отъ счастья нѣмъ,
Онъ здѣсь, Эдемъ.
Когда ты темень, и мракъ—твой взглядъ,
Онъ близокъ, Адъ.
Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.

ЧТО ГОРИТЬ?

Гляди, погляди,
Моя бѣлая сестра,
Моя бѣлая сестра.
Что горитъ позади?
Что горитъ впереди?
Чѣмъ горитъ вся гора?

Гляжу, погляжу,
Мой бѣлый братъ,
Мой бѣлый братъ.
Я тебѣ расскажу,—
Какъ пройдемъ мы между,
Чѣмъ высоты горятъ.

За нами—пожаръ,
Мой бѣлый братъ,
Мой бѣлый братъ.
Послѣдній пожаръ
Зловражескихъ чаръ
Отошедшей чадъ.

Предъ нами—Сіонъ,
Мой бѣлый братъ,
Мой бѣлый братъ.
Весь міръ освященъ,
Мы—въ Немъ, въ насъ—Онъ,
Градъ двѣнадцати вратъ.

Какъ мнѣ легко,
О, путь серебра,
Моя бѣлая сестра.
Мы были глубоко,
Воспарили высоко,
Моя бѣлая сестра.

ТАМЪ.

Тамъ, гдѣ пиршествуютъ Ангелы, гдѣ пируетъ Духъ
Святой,
Тамъ, гдѣ въ синемъ свѣтитъ ладанѣ огонь червонно-
золотой,
Тамъ, гдѣ кедрами Ливанскими намъ упроченъ по-
толокъ,
Гдѣ, являя изобиліе, смотреть лилія въ потокъ,
Гдѣ любому сотрапезнику умашенья есть въ ларцахъ,
Гдѣ въ глаза былому безднику смотреть вѣстники въ
вѣнцахъ
Гдѣ съ восторженностью жаркою вѣчно вновь гля-
дятъ глаза,
Гдѣ вмѣнилась въ перстни яркіе грозовая бирюза,
Гдѣ завѣсы златотканныя весь являютъ звѣздный сводъ,
Гдѣ летаетъ птица странная и всегда къ веснѣ зоветъ,
Гдѣ, покуда всякъ обѣдаетъ, вѣчно музыка слышна,
А никто-никто не вѣдаетъ, чей напѣвъ и чья струна,
Я иду, и въ свѣты пирные я веду тебя, сестра,
И вѣнецъ твой—златъ-сапфировый, башмачокъ—изъ
серебра.

ЗВѢЗДОЗАКОННИКИ.

Звѣздники, звѣдозаконники,
Божіей воли влюбленники,
Крестопоклонники,
Цвѣтопоклонники,
Здѣсь въ Вертоградѣ мы всѣ
Въ невыразимой красѣ.

Бездники, стали мы звѣздники,
Въ Вечери мы сотрапезники,
Цвѣтопоклонники,
Звѣдозаконники,
Хлѣбъ и вино—въ хоровомъ,
Во всеокружномъ поемъ.

НЕГЛѢННОЕ.

Мы найдемъ въ нашемъ теремѣ свѣтлый покой,
Гдѣ игрою столѣтій украшены стѣны,
Гдѣ лишь сказкою, пѣсней стали измѣны,
Чтобъ за мигомъ былъ мигъ, за восторгомъ другой.

Я тебѣ загляну въ безконечную душу,
Ты заглянешь въ мою, какъ взглянула бь въ окно,
Мы поймемъ, что сліяніе намъ суждено,
Какъ не можетъ волна не домчатся на сушу.

Ты мнѣ скажешь: «Мой милый! Нарядъ приготовь.»
На тебя я надѣну неглѣнное платье.
Я тебя заключу—закрываю въ объятія,
Мы найдемъ —мы нашли—въ нашемъ сердцѣ—любовь.

БѢЛЫИ ПАРУСЪ.

Прости, Солнце, прости, Мѣсяцъ, Звѣзды ясныя, прости,
Если что не такъ я молвилъ про волшебность Ко-
рабля,
Если что не досмотрѣлъ я, вы меня ужъ просвѣтите,
Ты прости мои распѣвцы, Мать моя, Сыра Земля.

Можетъ, я хожденье въ словѣ не постигъ, да не до-
вольно,
Можетъ, слишкомъ я въ круженьи полюбилъ одну
сестру,
Какъ тутъ быть мнѣ, я не знаю, сердце плачетъ бо-
гомольно,
Но не всѣхъ ли я прославлю, если ей цвѣты сберу.

Солнце, Мѣсяцъ, Звѣзды ясны, Мать Земля, меня про-
стите,
Лень въ поляхъ я возрощаю, дамъ обильно коноплю,
А моя сестра сумѣетъ изъ цвѣточковъ выткать нити,
И сплететъ намъ бѣлый парусъ съ голубымъ цвѣт-
комъ „Люблю“.

ТРИ ИПОСТАСИ.

Три ипостаси душъ: познавшіе, борцы,
И вскипы сновъ. Ихъ три. Три лика душъ, не болѣ.
Сплетаясь, свѣтъ и тьма идутъ во всѣ концы,
Но имъ въ концѣ концовъ—разлука, поневолѣ.

Сплетаются они, цѣлуются они,
Любовныя ведутъ, и вражескія рѣчи,
Но вовсе отойдутъ отъ сумраковъ огни,
Увидѣвъ цѣликомъ себя въ послѣдней встрѣчѣ.

Познавшіе, когда изъ этой смѣны дней
Уходятъ, къ нимъ идутъ три духа свѣтовые,
Съ одеждою, съ водою, съ огнемъ—къ душѣ, и ей
Указываютъ путь въ Чертоги Міровые.

Борцы, уйдя изъ дней, встрѣчаютъ тѣхъ же трехъ,
Но демоны еще встаютъ съ жестокимъ ликомъ,
И нѣтъ одеждъ, шипитъ вода съ огнемъ,—и вздохъ,
И снова путь, борьба—межъ пѣніемъ и крикомъ.

А вскипы сновъ, уйдя, вступаютъ въ темный строй,
Лишь кое-гдѣ горитъ созвѣздной сказки чара,
И снова сны кипятъ, вскипаютъ волей злой,
И будутъ такъ до дня всемірнаго пожара.

Три ипостаси душъ, и двѣ ихъ, и одна,
Отпрянетъ свѣтъ отъ тьмы, и вызвѣдятся духи,
А сонмы тѣлъ сгорятъ. Всемірная волна
Поетъ, что будетъ «Вновь». Но пѣсня гаснетъ въ
слухъ.

РАЗЛИВЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Разливъ зари вечерней отходить на отливъ,
На стеблѣ, полномъ терній, червонный цвѣтъ красивъ,
Багряные туманы плывутъ надъ моремъ нивъ.

Среди колосевъ желтыхъ—какъ очи, васильки,
И маки—побережье разлившейся рѣки,
Чьи воды—зрѣлость злаковъ, чьи воды—широки.

Концовъ Земли—четыре, и Адъ, и Рай, всѣхъ шесть,
Концовъ Земли—четыре, на каждомъ Ангелъ есть,
А всѣхъ ихъ въ свѣтломъ мірѣ, какъ звѣздъ ноч-
ныхъ, не счесть.

Четыре шестикрылыхъ токъ вѣтровъ стерегутъ,
На дремлющихъ могилахъ—цвѣты, и тамъ, и тутъ,
Насъ всѣхъ молитвы милыхъ отъ тьмы уберегутъ.

Коль здѣсь мы не успѣли соткать чебѣ нарядъ,
Коль свѣтлыя свирѣли не завлекли насъ въ садъ.
Въ замѣну Вертограда увидишь мрачный Адъ.

Но, тамъ побывъ во мракахъ положенные дни,
Познавъ, что въ звѣздныхъ знакахъ—доточные огни,
Ты выйдешь къ свѣту въ макахъ,—тогда не измѣни.

Минутность заблужденья—пройденная ступень,
За падшаго моленье—какъ въ правдѣ житый день,
Сіянемъ восхожденья удѣлъ земной одѣнь.

Концовъ Земли—четыре, и страшныхъ два, всѣхъ
шесть,
Судебъ Земли—четыре, при каждой Ангелъ есть,
Служите Міру—въ мірѣ, дорогъ Судьбы не счесть.

А ЧТО ВВЕРХУ?

Сіонъ Гора-сіяніе,
Высокое, горячее.
Голгоѣ-Гора страданіе,
Стоокое, всезрячее.
А что вверху, у Батюшки,
Мученье иль восторгъ?
А что вверху, у Матушки,
Что Сынъ изъ тьмы исторгъ?

Ужъ если есть паденіе,
Есть лѣстница съ низинъ.
Сіонъ-Гора—видѣніе,
Сходилъ къ низинамъ Сынъ.
И сходить Онъ воистину,
Еще премного разъ,
Когда любовь и истину
Мы прячемъ въ тайность глазъ.

Въ глаза Онъ къ намъ, въ правдивые,
Съ Голгоѣ-Горы спускается,
Узнавъ, что мы—счастливые,
Отъ боли отторгается.
Ведеть насъ снизу къ Батюшкѣ,
Въ превыспренность зыбей.
Въ Сіонъ-Горѣ, у Матушки,
Есть садъ для голубей.

ПОСЛѢДНЕЕ ВИДѢНІЕ.

Я видѣлъ видѣніе,
Я впрянулъ съ кровати,
На коей, недужный,
Воззрился я въ темь.
Небесны владѣнья,
Сорвались печати,
Печати жемчужны,
Число же ихъ семь.

Ночные предѣлы,
Крутились туманы,
Какъ пасти ужасны,
Надъ битвой ночной.
И конь тамъ былъ бѣлый,
И конь былъ буланый,
И конь былъ тамъ красный,
И конь вороной.

И были тамъ птицы,
И были тамъ звѣри,
И были тамъ люди,
И Ангеловъ—тъмы.
Въ лучахъ огневицы
Пылали всѣ двери,
Въ неистовомъ чудѣ
Тамъ были и мы.

Сквозь каждая двери,
Стѣнные разломы,
Сквозь трещины, щели,
Врывались лучи.
И выли всѣ звѣри,
И били ихъ грома,
Подъ звоны свирѣли
Ихъ сѣкли мечи.

И ликъ былъ тамъ львиный,
И ликъ былъ орлиный,
И ликъ человѣчій,
И ликъ былъ тельца.
Ломались спины,
Крушились вершины,
Въ безжалостной сѣчѣ,
Въ крови безъ конца.

Въ небесныхъ пожарахъ,
Въ верховныхъ разрывахъ,
Стояли четыре
Небесныхъ гонца.
И малыхъ и старыхъ,
Какъ стебли на нивахъ,
Косили всѣхъ въ мѣрѣ,
ъ огнѣ безъ конца.

И только надъ крышей
Той бездны безбрежной,
Той сѣчи кровавой
Звѣрей и людей,

Все выше и выше,
Какъ сонъ бѣлоснѣжный,
Вносились со славой
Толпы голубей.

ДУХЪ БРАЧУЮЩІЙ.

Отошла за крайность міра молнегромная гроза,
Надъ омытымъ изумрудомъ просіяла бирюза,
И невысказаннымъ чудомъ у тебя горять глаза.

Темный лѣсъ съ бродящимъ звѣремъ словно въ сказку
отступилъ,
Садъ чудесь, высокій теремъ, пересвѣтъ Небесныхъ
силъ,
Въ Бога вѣримъ иль не вѣримъ, Онъ въ насъ вѣ-
ритъ, не забылъ.

Обручилъ съ душою душу Духъ Брачующій, Господь,
Обвѣнчалъ съ водою сушу, чтобъ ступала твердо плоть,
Хлѣбъ всемірный не разрушу, хоть возьму себѣ ло-
моть.

Стало сномъ, что было ядомъ, даль вселенская чиста,
Мы проходимъ въ теремъ садомъ, нѣтъ врага въ тѣни
куста,
Надъ зеленымъ Вертоградомъ веселится высота.

ВЪ ВЕЛИКОМЪ ЗАРЕВѢ.

Вотъ, я прочелъ, не отрываясь
Все то, что долженъ былъ прочесть,
Въ великомъ заревѣ сливаясь
Со всѣмъ, что въ Звѣздахъ звѣздно есть.

И тамъ, гдѣ эти свѣчи Рая
Не достигаютъ Красоты,
Я буквы вычеркнулъ, стирая,
Кривыя выпрямилъ черты.

И тамъ, гдѣ, въ Вѣчность воплощаясь,
Возникла цѣльно кривизна,
Я долго медлилъ, восхищаясь,
Воскликнувъ: «Да живетъ она.»

И тамъ, гдѣ въ стройныя колонны
Сложились строки прямоты,
Я стихъ пропѣлъ, и, многозвонны,
Возникли храмы и цвѣты.

И тамъ, гдѣ въ очи смотрятъ очи,
Гдѣ на звѣзду глядитъ звѣзда,
Благословилъ я дни и ночи,
И быть велѣлъ имъ навсегда.

Въ великой грамагѣ, единой,
Въ гремящей книгѣ Родословъ,
Гдѣ каждый листъ внесенъ пучиной,
За каждой буквой сонмъ вѣковъ.

ДРЕВО.

Нашъ Садъ есть единое Древо,
Съ многолиственнымъ сонмомъ вѣтвей.
Его насадила лучистая Ева,
Въ вѣкахъ и вѣкахъ непорочная Дѣва,
И Жена,
И Матерь несчетныхъ дѣтей.

Нашъ Садъ посребряетъ Луна,
Позлащаетъ горячее Солнце,
Сіянье заоблачныхъ славъ,
Изумруды для стволь-облекающихъ травъ
И листовъ
Намъ даруетъ свѣченъе нездѣшнихъ морей,
И хоть нѣтъ тѣмъ морямъ береговъ,
Можно въ малое зрѣть ихъ оконце,
Что въ душѣ раскрывается въ малыхъ озерахъ очей,
Въ духѣ тѣхъ, кто, отъ вѣчнаго Древа
Воспринявши цвѣточную пыль,
Такъ покоренъ качанью зеленыхъ вѣтвей,
Какъ покоренъ вѣтрамъ легковонный ковыль,
Гдѣ звучитъ — не звучитъ многозвучность напѣва.
И сіяетъ нашъ Садъ, и цвѣтеть,
И цвѣты голубые даетъ
Хороводно-раскинутый Синь-небосводъ.
И съ безсмертной усмѣшкой Адамъ
Повѣствуетъ о Евѣ плѣняющей намъ,
Подъ раскидистой тѣнью единого Древа.

СЕДЬМЫЯ НЕБЕСА.

Когда раскрылись намъ Седьмыя Небеса,
Когда подъ звонкій гулъ золотого колеса,
Промчались въ высотѣ толпы крылатыхъ птицъ,
Мы чувствовали всѣ, что свѣтитъ намъ краса
Непризрачныхъ существъ, нездѣшнихъ колесницъ

Надъ каждымъ колесомъ, на нѣкой высотѣ,
Былъ голубь, словно снѣгъ въ нагорной красотѣ,
Четверократный блескъ надъ каждымъ, кто былъ
тамъ,

Земное все—не то, а эти въ высяхъ—тѣ,
И можно съ ними быть, и это видно намъ.

Какъ быстры кони всѣ. Какъ сказочень ихъ видъ.
Въ очахъ у каждаго былъ камень-маргаритъ.
А тѣло—стройное, жемчужно-пышный хвостъ,
У каждаго изъ устъ сіяніе горитъ,
Какъ будто онъ испилъ отъ разнствующихъ звѣздъ.

И гривою взмахнувъ жемчужною своею,
Ярился каждый конь дрожаніемъ ноздрей,
А вождь крылатыхъ тѣхъ держалъ въ рукѣ ключи,
Всѣхъ жаждущихъ онъ мчалъ къ нагорностямъ, ско-
рѣй,

Туда, гдѣ первый день, послѣдніе лучи.

ЗВѢЗДОЛИКИ.

Лицо его было какъ Солнце—въ тотъ часъ когда
Солнце въ зенитѣ,
Глаза его были какъ звѣзды—предъ тѣмъ, какъ сор-
ваться съ Небесъ,
И краски изъ радугъ служили какъ ткани, узоры, и
нити,
Для пышныхъ его одѣяній, въ которыхъ онъ снова
воскресъ.

Кругомъ него рянулись громы въ обрывныхъ раз-
гнѣванныхъ тучахъ,
И семь золотыхъ семизвѣздъ какъ свѣчи горѣли предъ
нимъ,
И гроздя пылающихъ молній цвѣтами раскрылись на
кручахъ,
«Храните-ли Слово?» — онъ молвилъ,—мы крикнули
съ воплемъ: «Хранимъ».

«Я первый», онъ рекъ, «и послѣдній,»—и гулко отвѣ-
тили громы,
«Часъ жатвы», сказала Звѣздоокиѣ. «Серпы приго-
товьте. Аминь».
Мы вѣрной толпою возстали, на Небѣ алѣли изломы,
И семь золотыхъ семизвѣздъ вели насъ къ предѣ-
ламъ пустынь.

ПРОРОЧЕСТВО БОЖЬИХЪ ЛЮДЕЙ.

По лѣвую сторону, въ одѣяніи страшномъ
Души грѣшныя, сумраки лицъ.
Свѣтъ и тѣма выявляются, какъ въ бою рукопашномъ
Все расчислено, падайте ницъ.

По правую сторону, въ одѣяніи лучистомъ,
Тѣ, которыхъ вся жизнь жива.
Золотые ихъ волосы—въ красованьи огнистомъ,
Какъ подъ солнцемъ ковыль-трава.

Минуты отшедшія, не вспыхнувши золотомъ,
Тяжелымъ упали свинцомъ.
И въ полѣ не полотомъ, и въ сердцѣ расколотомъ
Все размножилось цѣпкимъ волчкомъ.

Вы, время забывшіе, вы Міра не видѣли,
Хоть къ Міру пѣвка и льнетъ.
Себя не украсивши, вы Солнце обидѣли,
Вась Солнце, вась Вѣтеръ сомнетъ.

Глаза ваши мертвые какъ будто бы вдѣланы,
Какъ будто они изъ стекла.
И стрѣлами будутъ дѣла, что не сдѣланы,
Зачѣмъ вась Земля родила?

Лежите въ болотахъ гнилыми колодами,
Въ жерлѣ ненасытныхъ котловъ.
Но къ солнцу—кто солнечный—веселыми всходами—
Взойдетъ до жемчужныхъ садовъ!

ДВѢНАДЦАТИВРАТНЫЙ.

И городъ былъ чистый и весь золотой,
И словно онъ былъ изъ стекла,
Былъ вымощенъ яшмой, украшенъ водой,
Которая лентами шла.

Когда раскрывались золотыя врата,
Вступали пришедшіе—въ плѣнь,
Имъ выйти мѣшала назадъ красота
Домовъ и сіяющихъ стѣнь.

Сіянье возвышенныхъ стѣнь городскихъ,
Съ числомъ ихъ двѣнадцать вратъ,
Внушало пришедшему пламенный стихъ,
Включавшій Восходъ и Закатъ.

Въ стѣнахъ золотилось двѣнадцать основъ,
Какъ въ годѣ—двѣнадцать временъ,
Изъ пѣнныхъ камней, изъ любимцевъ вѣковъ,
Былъ каждый оплотъ соплетенъ.

И столько по счету тамъ было камней,
Какъ дней въ семитысячи лѣтъ,
И къ каждому ряду причтенъ былъ межъ дней
Еще высокосный расцвѣтъ.

Тамъ былъ гіацинтъ, и небесный сафиръ,
И возлѣ смарагдовъ—алмазь,
Карбункулъ, въ которомъ весь огненный міръ,
Топазь, хризолитъ, хризопрасъ.

Просвѣчивалъ женской мечтой маргаритъ,
Опаль, сардоникъ, халцедонъ,
И чуть раскрывались цвѣтистости плить,
Двѣнадцатиструнный былъ звонъ.

И чуть въ просіяньи двѣнадцати вратъ
На мигъ возникали дома,
Никто не хотѣлъ возвращаться назадъ,
Крича, что внѣ Города—тьма.

И тутъ возвѣщалось двѣнадцать часовъ
Съ возвышенныхъ стѣнь городскихъ,
И мѣсяцы, въ тканяхъ изъ вешнихъ цвѣтовъ,
Кружились подъ звончатый стихъ.

И тотъ кто въ одни изъ двѣнадцати вратъ
Своею судьбой былъ введенъ,
Вступалъ—какъ цвѣтокъ въ расцвѣтающій садъ,
Какъ звукъ въ возрастающій звонъ.

ОСАННА.

- Что было у васъ за пирами?
- Цвѣточные чаши, любовь.
- Что выше?—Всѣ звѣзды надъ нами.
- Что въ чашахъ?—Поющая кровь.
- Своя иль чужая?—Смѣшались.
- А пѣсни?—Всегда объ одномъ.
- Въ какой же странѣ вы остались?
- Осанну, Осанну поемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кормщикъ.
Втай-Рѣка.
Шать-Рѣка.
Тѣнь-Рѣка:
Сладиль-Рѣка.
Смирльиниѣ.
Ангель Встрѣчь.
Адамъ и Ева.
Райское дерево.
То древо.
Два Шестирьмыльхъ.
Братъ и Сестра.
Братъ съ Сестрой.
Божья Книга.
Голубица.
Какъ сонъ.
Птица Райская.
Голубь.
Улети.
Воржунокъ.
Свадьба душъ.
Приходи.
Отчего?
Для Сестры.
По благодати.
Шутка цвѣтовъ.
Одежды разны.
Божій Храмъ.
Черному Врану.
Завѣтъ.
Въ Богѣ.

Вѣчаніе.
Звѣздное Причастіе.
Золотія Зерна.
Свѣча.
Свѣтъ чудесный.
Чудо.
Безъ конца.
Стихъ Корабельный.
Посланіе къ Голубинѣ.
Горлицы-Голуби.
Кажмый.
Слово Божіе.
Ангелы Небесные.
Ключи.
Куда же?
Чужинѣ.
Простые.
Аксамитъ.
Отъ четырехъ сторонъ.
Голубка съ Голубкомъ.
Голубиня повадки.
Свѣтлый Лѣсъ.
Свадьба.
Голубая Заутреня.
Кошница.
Саль мой садъ.
Незабудочка.
Вѣтеръ буетъ.
Цвѣточки.
Лѣсная Сказка.
На кроваткѣ.
Сонъ.
Прозрачность.
Заворожилъ.
Кругой бережокъ.
Бѣлая пташка.
Жемчужина Перламутровна.
Въ раковинѣ.
Звѣздная мысль.
Вершинный сонъ.
Ладанъ.
Во Храмѣ ночью.
Тихій Донъ.

Голось.
Богъ Живой. (Голуби).
Богъ Живой. (Горлицы).
Азь есмь Богъ.
Нѣтъ другого ученія.
Грѣхъ одинъ.
Четвероклѣтіе.
Общники святости.
Исходъ.
Къ Сладкимъ-Рѣхъ.
Женихъ.
Златой Ткачъ.
Гусляръ.
Влѣдний братъ.
Хороводъ.
Братья-Сестры.
Свѣтись, свѣтись.
Радуйся.
Раскрытые улья.
Взбранный Воевода.
Саваоѡвъ.
Погоня.
Веселый рой.
Царь-Духъ.
Гусли.
Верховный Гость.
Пляска даухъ.
Да.
Радѣніе.
Въ тайной горницѣ.
Ты свѣти, свѣти.
Что есть свѣтъ?
Божин плотники.
Сузить Сузьбу.
Творцямъ снхъ садовъ.
Какъ трава.
Корабль.
Волшебный Корабль.
Вѣщаніе.
Корабельщики.
Плаваніе.
Духъ Святой.
Трубачи.

Единственный.
Тоска далекихъ.
Пророкъ.
Ловимъ.
Вотъ.
Слава.
Красное Крыльцо.
Ирмосъ.
Три окна.
Четыре стѣны.
Пять свѣчъ.
Жертвенникъ.
Хлѣбы, пшеница, вино и елей.
Литургия въ Литургии.
Первый Спасъ.
Во Саду.
Въ теремъ высококъ.
Отъ Неба къ Небу.
Заклятіе.
Въ Чертогъ.
Серебряный теремъ.
Стихъ вечерній.
Иконостасъ.
Противогласники.
Свѣте Тихія,
Панагия.
Къ Дѣвъ Маріи.
Марѳа и Маріи.
Въ поляхъ голубыхъ.
Дѣва.
Божій дружокъ.
Крещеніе.
Прости.
Изъ Лѣса въ Сады.
Духъ нашъ.
Прощаніе.
Духовный Сады.
Каждый есть Церковь.
Четыре знака.
Херувимская.
На Дону.
Моя головушка.
Ко Престолу Красоты.

Это будетъ.
Струны.
Поля блаженныхъ.
Жертва Божья.
Христосъ Воскресе.
Свѣтлицы.
Вертоградъ.
Виноградарь.
Не забывай.
Что горить?
Тамъ.
Звѣздозаконники.
Нетлѣнное.
Бѣлый парусъ.
Три ипостаси.
Разливъ вечерній.
А что сверху?
Последнее видѣніе.
Духъ Брачущій.
Въ великомъ заревѣ.
Древо.
Седьмая Небеса.
Звѣздоликіи.
Пророчество Божьихъ Людей
Дѣвѣнадцатицвѣтныи.
Осаина.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“. СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

КНУТЬ ГАМСУНЪ.
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ.

Переводы исключительно съ норвежскаго
при ближайшемъ участіи:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

- Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Голодь.
" II. Мистеріи.
" III. Редакторъ Люнге.
" IV. Новь.
" V. Панъ. Сѣста.
" VI. У вратъ царства. Драма жизни. Вечерняя заря.
" VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.
" VIII. Мункенъ. Вендтъ.
" IX. Чаша.
" X. Царица Тамара. Дикій хоръ.
" XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
" XII. Подъ осенними звѣздами.

Вышли томъ V. Содержаніе: Панъ. Перев. С. Полякова.—
Сѣста. Пер. С. Полякова. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ VII. Содержаніе: Викторія. Пер. Ю. Балтрушайтиса.—
Въ сказочной странѣ. Пер. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“. СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
ГАБРИЭЛЯ Д'АННУНЦІО

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей З. Венгеровой.

Переводы исключительно съ оригинала Ю. Балтрушайтиса, Вал. Брюсова, Вяч. Иванова, Маріи Ватсонъ, Зин. Венгеровой и М. Сюнерберга.

- Томъ I. Епископъ.
" II. Наслажденіе. Невинная жертва.
" III. Рыбачьи рассказы.
" IV. Дѣвы горъ.
" V. Огонь.
" VI. Джюконда. Слава. Мертвый городъ.
" VII. Весенняя и лѣтняя ночь. Дочь Іоріо. Стихи.
" VIII. Франческа да Римини.
" IX. Корабль. Стихи.

Печатается и въ ноябрѣ выйдеть въ свѣтъ т. III.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“. СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Д. Г. УЭЛЬСА

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей В. Г. ТАНА съ портретомъ и предисловіемъ
автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г.
ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала В. Г. Тана, Н. А.
Морозова, К. Чуковского и др.

Томъ I. Странные разказы.

- „ II. Когда спящій проснется.
- „ III. Грядущіе дни. Машина времени.
- „ IV. Пища боговъ.
- „ V. Борьба міровъ.
- „ VI. Дни кометы.
- „ VII. Первые люди на лунѣ.
- „ VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.
- „ IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Біографія и вступ. статья.

Странные разказы. Пер. В. Г. Тана и К. Чуковского.